

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 6

июнь 2022

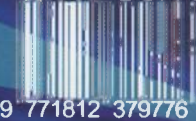
«Все вышеуказанные обстоятельства в их совокупности свидетельствуют о том, что механизм взыскания судебных расходов значительно отличается от механизма взыскания убытков...»

Илюхин А.П. «Судебные расходы применительно к правовой конструкции убытков»

Стр. 3

- Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени
- Освобождение доли в общем имуществе от наложения ареста (исключение из описи): проблемы и новеллы современной практики
- Ошибки, допускаемые судами при вынесении частных определений и постановлений
- Уголовно-правовое понятие неоказания помощи больному
- К вопросу о назначении и пределах функционирования механизма продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 6/2022

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Илюхин А.П. Судебные расходы применительно к правовой конструкции убытков

9 Батурина Н.А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени

15 Астахова Е.Д. Освобождение доли в общем имуществе от наложения ареста (исключение из описи): проблемы и новеллы современной практики

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

19 Кутуев Э.К., Миргородская Э.Р. Судебный контроль как форма осуществления правосудия

25 Пошелов П.В. Анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершенным сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации

29 Закарян С.А. Ошибки, допускаемые судами при вынесении частных определений и постановлений

33 Озова Н.А. Уголовно-правовое понятие неоказания помощи больному

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

39 Рябцева Е.В. Взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации как высших органов судебной власти в РФ

45 Манохин В.С. Некоторые особенности судебного рассмотрения в РФ

ДИСКУССИЯ

50 Казаков И.Г. Методические рекомендации по оценке эффективности правосудия /Извлечение/

55 Миллеров Е.В., Чупилкин Ю.Б. Евразийский суд по правам человека как аналог ЕСПЧ

ТРИБУНА ПОМОЩНИКА СУДЬИ

60 Цилюрик У.С. К вопросу о назначении и пределах функционирования механизма продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий

Подписка по России:

«Почта России». Электронный каталог — П1774, а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 08.06.2022.

Дата выхода в свет: 16.06.2022.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 6/2022

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 A.P. Ilyukhin. Court Costs with Regard to the Legal Structure of Losses

9 N.A. Baturina. Some Reasons for Inefficiency of the Procedural Law Provision on Collection of Damages for the Actual Loss of Time

15 E.D. Astakhova. Release of a Share in Common Property from Seizure (Exclusion from the Inventory): Problems and Novelties of the Modern Practice

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

19 E.K. Kutuev, E.R. Mirgorodskaya. Judicial Control as a Form of Administration of Justice

25 P.V. Poshelov. An Analysis of the Judicial Practice in Crimes Stipulated by Part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation and Committed by Employees of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation

29 S.A. Zakarn. Mistakes Made by Courts in the Pronouncement of Special Rulings and Resolutions

33 N.A. Ozova. The Criminal Law Concept of a Failure to Render Assistance to a Sick Person

THE JUDICIARY

39 E.V. Ryabtseva. The Interaction between the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation as Supreme Judicial Authorities in the Russian Federation

45 V.S. Manokhin. Some Peculiarities of Judicial Discretion in the Russian Federation

DISCUSSION

50 I.G. Kazakov. Methodological Recommendations for the Evaluation of the Efficiency of Justice /extract/

55 E.V. Millerov, Yu.B. Chupilkin. The Eurasian Court of Human Rights as an Analogue of the ECHR

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

60 U.S. Tsilyurik. On the Establishment and Limits of Functioning of the Mechanism of Renewal of Exclusive Rights to Inventions in the Medical Technology Sphere

Subscription in Russia:
Russian Post. Digital Catalogue – П1774
and also through www.lawinfo.ru
Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.
Conventional printed sheet 6,0.
Circulation 4000 copies. Free market price.
Passed for printing: 08.06.2022.
Edition was published: 16.06.2022.
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.
ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;
Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;
Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;
Ershov V.V., LL.D., Professor;
Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;
Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;
Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;
Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;
Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Academician of the RAE, Honored
Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N., Platonova O.F.,
Trunchevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)
Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors
or the Editorial Staff shall be subject to legal prosecution.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-3-8

Судебные расходы применительно к правовой конструкции убытков

Илюхин Андрей Павлович,
судья Санкт-Петербургского городского суда
a_ilyhin@mail.ru

В статье исследуется вопрос применения элементов структуры убытков к судебным расходам с учетом особенностей их санкционного характера. Каждый элемент убытков проанализирован путем применения структуры судебных расходов, обращено внимание на наличие ряда противоречий, возникающих в правоприменительной практике.

Ключевые слова: убытки, судебные расходы, гражданская процессуальная санкция.

Court Costs with Regard to the Legal Structure of Losses

Andrey P. Ilyukhin
Judge of the Saint Petersburg City Court

The article explores the issue of applying the elements of the loss structure to court costs, taking into account the peculiarities of their sanctions nature. Each damages element is analyzed by applying the structure court costs, attention is drawn to the presence of a number of contradictions, arising in law enforcement practice.

Keywords: damages, losses, legal costs, civil procedural sanction.

Судебные издержки в гражданском процессуальном праве являются, наверное, одной из самых проблемных тем, вызывающей постоянные интерпретационные споры на различных уровнях — от сторон в судебном заседании до позиций, высказанных разными судебными инстанциями¹.

В настоящее время Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ) закреплён тезис о том, что судебные расходы являются убытками, независимо от того, возникли они из материальных или процессуальных правоотношений². Аналогичная позиция была ранее сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) в Определении от 20 февраля 2020 г. № 22-О³.

Несмотря на то что не все исследователи разделяют данную позицию⁴, конкретное указание высших судов на правовую природу судебных расходов не позволяет руководствоваться иной точкой зрения в правоприменительной практике, однако требует более глубокого анализа данного вида убытков с учетом отдельных процессуальных особенностей.

Так, взыскание со стороны судебных расходов обусловлено ее проигрышем в судебном споре, т.е. сторона обязана также понести дополнительные негативные последствия в виде возмещения судебных расходов, что прямо закреплено в ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (далее — ГПК РФ). Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что взыскание с проигравшей стороны судебных расходов

¹ Тарасов И.Н. Категория «судебные издержки» в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 9–12.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 марта 2018 г., п. 12. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2020 г. № 22-О «По жалобе открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод по-

ложениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., напр.: Ильин А.В. К вопросу о допустимости квалификации судебных расходов в качестве убытков // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 6. С. 120–129.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

носит также и некоторый характер санкции. При этом то обстоятельство, что взыскание судебных расходов возможно не только при обращении потерпевшего в суд, но и за некоторые внесудебные способы урегулирования спора, не изменяет санкционный характер данной нормы.

Указанная санкция относится к правосстановительному типу ответственности, направлена на компенсацию убытков истца, а также на стимулирование добровольного, внесудебного разрешения споров.

Для лица, понесшего судебные расходы, данные расходы являются убытками с той точки зрения, что это расходы, которые лицо понесло или должно будет понести для восстановления своего имущественного положения. Однако для противоположной стороны судебные расходы превращаются в санкцию, которая применяется к данному лицу как к проигравшему судебный спор. Данный дуализм судебных расходов влечет целый комплекс особенностей правового регулирования указанных правоотношений, необходимость применения как материальных, так и процессуальных норм права, а скромное правовое регулирование вопроса не способствует унификации правоприменительной практики.

Среди особенностей взыскания судебных расходов представляется возможным выделить следующие отличительные элементы: их возникновение связано с защитой нарушенного права; возможность их возмещения обусловлена действиями не только обеих сторон, но и третьих лиц и суда; они возмещаются в порядке самостоятельной процедуры; при определении размера применяется усмотрение суда; установлен отдельный сокращенный срок для предъявления соответствующих требований.

Для возмещения убытков в гражданском праве истцу требуется доказать наличие убытков и их размер, противоправное поведение ответчика и причинно-следственную связь между действиями

ответчика и наступившими негативными последствиями. Безусловно, в рамках рассмотрения спора о возмещении убытков возможно возникновение необходимости доказывания дополнительных обстоятельств, некоторые специалисты выделяют до восьми предметов доказывания⁶, однако вышеуказанные элементы являются основными и в современной доктрине не оспариваются.

Попробуем ниже спроецировать данные основные элементы на судебные расходы, при этом учитывая особенности процессуальных правоотношений сторон.

Основным элементом основания для возмещения убытков является противоправное поведение контрагента, т.е. поведение вопреки обязательству, установленному законом или договором. В широком смысле противоправное поведение включает в себя также действие вопреки принципам соответствующей отрасли права. Представляется возможным согласиться с мнением Е.Г. Антоновой о том, что противоправное поведение — это комплексное понятие, подразумевающее установление признаков негативного поведения, включающего в себя недозволенные приемы и методы осуществления гражданских прав⁷.

Противоправное поведение в гражданском процессе состоит из двух элементов, связанных с поведением правонарушителя: в рамках материальных правоотношений и в рамках процессуальных. Так, в рамках материального поля одно лицо нарушает права и законные интересы другого лица, вынуждая последнее обратиться в суд за защитой нарушенного права. При этом после обращения в суд ответчик может продолжать совершать противоправные действия уже и в рамках процессуального

⁶ См, напр.: Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2021.

⁷ Антонова Е.Г. Противоправное поведение как основание гражданской ответственности // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 29–32.

права — не признавать обстоятельства, возражать против фактов, вынуждая истца нести дополнительные расходы на доказывание тех или иных обстоятельств посредством вызова свидетелей, назначения судебных экспертиз.

Необходимо отметить, что признание иска либо отдельных обстоятельств по делу является процессуальным правом, но никак не обязанностью стороны спора, в связи с чем может возникнуть вопрос о допустимости использования термина «противоправное поведение».

Вместе с тем положениями ст. 35 ГПК РФ закреплена обязанность сторон добросовестно пользоваться своими процессуальными и правами и обязанностями, т.е. в широком толковании данного положения добросовестность предполагает запрет на оспаривание тех обстоятельств, которые фактически имели место в объективной реальности.

Следовательно, действия ответчика, оспаривающего, например, свою подпись на договоре (когда он с достоверностью знает, что подпись принадлежит ему), может рассматриваться как противоправное поведение, нарушающее принцип добросовестности участников гражданских правоотношений.

Вместе с тем В.П. Грибанов давал оценку добросовестности от противного, как «общий принцип недопустимости злоупотребления правами процессуально-правового порядка»⁸. Такое толкование добросовестности войдет в разрез с существующими процессуальными правами сторон, в связи с чем возникает коллизия терминов. Представляется необходимым прямо законодательно оговорить, является ли недобросовестным поведение ответчика в случае отказа признавать какие-либо обстоятельства, например свою подпись на договоре, факт получения денежных средств и т.п.

Другой вопрос возникает в случае, когда ответчик оспаривает обстоятельства объективной реальности, о которых

он не мог быть осведомлен. Например, управляющей компанией составлен акт о протечке, согласно которому причиной протечки послужили действия собственника помещения — ответчика, при этом собственник ниже расположенной квартиры предъявляет требования о возмещении ущерба, ссылаясь на данный акт.

Оспаривание данного акта ответчиком не может рассматриваться как нарушение принципа добросовестности либо какого-либо иного принципа, однако в случае правомерности данного акта расходы на проведение экспертизы будут взысканы с проигравшей стороны, что свидетельствует о том, что сам факт возражений против исковых требований в случае, если они обоснованны, является противоправным поведением.

Вместе с тем возражения по существу иска не всегда влекут обязанность по возмещению судебных расходов — так, при рассмотрении дел об установлении фактов, определении правового статуса лиц или режима объекта права, а также в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, судебные расходы не подлежат распределению между сторонами даже в случае, когда ответчик занимал активную позицию в ходе рассмотрения дела⁹. Например, при предъявлении иска о признании права собственности на наследственное имущество к органу, уполномоченному на принятие выморочного имущества, направление последним возражений по существу спора не влечет возникновение у истца права на взыскание судебных расходов. Согласно правовой позиции, изложенной в определениях Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 23 мая 2017 г. № 86-КГ17-4 и от 12 июля 2016 г. № 22-КГ16-5, под оспариванием прав истца ответчиком следует

⁸ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М., 2001. 410 с.

⁹ Пункт 19 Постановления Пленума ВС РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС «КонсультантПлюс».

понимать совершение последним определенных действий, свидетельствующих о несогласии с предъявленным иском, например подача встречного искового заявления, т.е. наличие самостоятельных претензий ответчика на объект спора.

Выражение несогласия ответчика с доводами истца путем направления возражений на иск по смыслу приведенных норм и разъяснений не является тем оспариванием прав истца, которое ведет к возложению на ответчика обязанности по возмещению судебных расходов.

Следовательно, противоправное поведение в том смысле, который используется в гражданском праве, не является элементом, необходимым для взыскания судебных расходов в пользу лица, чье право было нарушено.

Вторым элементом состава гражданского правонарушения является наличие ущерба и причинение его потерпевшему. Экстраполируя данные утверждения на рассматриваемую тему, расходы должны быть понесены лицом, чье право нарушено, и направлены на защиту нарушенного права, что закреплено в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 1).

При этом, как и в гражданско-правовом деликте, ответчик вправе выдвигать возражения о наличии иного, более разумного и распространенного в обороте способа защиты нарушенного права¹⁰, так и в гражданском процессуальном споре ответчик вправе ссылаться на чрезмерность данных расходов, апеллируя к принципу разумности и добросовестности поведения участников гражданского оборота.

¹⁰ Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

При этом необходимо отметить, что с учетом принципа разумности могут быть снижены не только расходы на оплату услуг представителя, но и иные расходы, в том числе на составление отчета об оценке и т.п.¹¹

Определяя объем судебных расходов, необходимо учитывать, что судебные расходы подлежат взысканию с проигравшей стороны также и в пользу третьих лиц.

ВС РФ в п. 6 Постановления Пленума № 1 указал, что судебные издержки, понесенные третьими лицами (ст. 42, 43 ГПК РФ, ст. 50, 51 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹²), участвовавшими в деле, на стороне, в пользу которой принят итоговый судебный акт по делу, могут быть возмещены этим лицам, исходя из того, что их фактическое процессуальное поведение способствовало принятию данного судебного акта. При этом возможность взыскания судебных издержек в пользу названных лиц не зависит от того, вступили они в процесс по своей инициативе либо привлечены к участию в деле по ходатайству стороны или по инициативе суда.

Следовательно, при обращении в суд лицо должно учитывать риски возмещения судебных расходов не только ответчику, но и иным лицам, которые будут привлечены к участию в деле, исходя из дискреционных полномочий суда, в том числе помимо воли сторон.

При этом необходимо отметить, что при совершении иных процессуальных действий по инициативе суда в отсутствие на то воли сторон (например, при назначении судебной экспертизы по

¹¹ Пункт 101 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»; п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

инициативе суда), судебные расходы на их совершение подлежат компенсации из средств федерального бюджета (ч. 2 ст. 96 ГПК РФ), что свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к регулированию данного вопроса.

Отдельного внимания заслуживает императивная норма ст. 98 ГПК РФ, согласно которой при определении объема подлежащих возмещению судебных расходов подлежит учету пропорциональное соотношение заявленных истцом требований к подлежащим удовлетворению. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что санкционный характер судебных расходов распространяется не только на ответчика, но и на истца, стимулируя последнего заявлять обоснованный размер требований.

Самым дискуссионным вопросом в правоприменительной практике является толкование п. 22 Постановления Пленума ВС РФ № 1, согласно которому в случае изменения размера исковых требований после возбуждения производства по делу при пропорциональном распределении судебных издержек следует исходить из размера требований, поддерживаемых истцом на момент принятия решения по делу. Вместе с тем уменьшение истцом размера исковых требований в результате получения при рассмотрении дела доказательств явной необоснованности этого размера может быть признано судом злоупотреблением процессуальными правами и повлечь отказ в признании понесенных истцом судебных издержек необходимыми полностью или в части.

Таким образом, субъективное поведение истца (когда он узнал о явной необоснованности первоначально заявленных требований) является предметом судебной оценки в отсутствие законодательно установленных конкретных критериев, которые могли бы вести к единообразному правоприменению.

Разумеется, «оценочные понятия в силах упростить работу с законом, сделать его более доступным, облегчить его уяснение гражданами. При их умелом

использовании они могут повысить эффективность действия отдельных процессуально-правовых норм, а также гражданского и административного судопроизводства в целом»¹³.

Вместе с тем правоприменительная практика начинает формировать противоречивые критерии. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 12 марта 2019 г. № 14-КГ18-57¹⁴ указано, что уменьшение истцом требований после ознакомления с выводами судебной экспертизы свидетельствует о недобросовестности истца, в связи с чем подлежит применению принцип пропорционального распределения судебных расходов. Противоположная правовая позиция изложена в Определении ВС РФ от 13 декабря 2021 г. № 304-ЭС21-25584 по делу № А45-15286/2020¹⁵, что свидетельствует о формировании различных подходов разными коллегиями ВС РФ.

Третьим элементом гражданско-правовой ответственности является причинно-следственная связь между действиями (бездействием) и наступившими негативными последствиями.

В нашей доктрине проблематика причинной связи занимала далеко не последнее место. Однако в отличие от зарубежного опыта основное внимание уделялось поискам как раз той самой единственно верной, истинной теории, которая была бы применима во всех практических ситуациях. Результаты этих исследований трудно назвать успешными, ибо каждый автор убедительно вскрывал недостатки теорий предшественников, однако при этом неминуемо подставлял собственные взгляды под критические замечания следующих за ним ученых¹⁶.

¹³ Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. 248 с.

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. С. 4–21.

Рассматривая данный элемент в контексте гражданской процессуальной ответственности, необходимо отметить, что понесенные расходы должны быть непосредственно связаны с защитой нарушенного права и действиями ответчика.

Вместе с тем не всегда ответчик своими действиями может влиять на размер понесенных расходов — так, в случае поступления возражения от третьих лиц в отношении тех или иных обстоятельств истец может оказаться вынужденным нести расходы по доказыванию данных обстоятельств, при этом данные расходы будут возложены на ответчика, который не заявляет какую-либо активную позицию по данному обстоятельству.

Кроме того, действия самого истца могут увеличить судебные расходы, подлежащие взысканию с ответчика, вне зависимости от действий ответчика. Так, например, в обоснование размера ущерба истцом может быть представлен отчет об оценке либо истец вправе ходатайствовать о назначении судебной экспертизы, при этом, по общему правилу, стоимость составления отчета об оценке значительно ниже стоимости судебной экспертизы.

Также в состав судебных расходов входят нотариальные расходы на выдачу доверенности, на что прямо указано в Постановлении Пленума ВС Российской Федерации¹⁷, при этом действующее законодательство предусматривает возможность удостоверения доверенности различными способами, в том числе бесплатными для истца (например, удостоверение доверенности у работодателя).

Все вышеуказанные действия не находятся в прямой причинно-следственной связи с действиями ответчика, что свидетельствует о том, что и данный элемент гражданского правонарушения не может быть полностью применен к вопросу о взыскании судебных расходов.

Все вышеуказанные обстоятельства в их совокупности свидетельствуют о том, что механизм взыскания судебных расходов значительно отличается от механизма взыскания убытков, требует дальнейшего изучения и раскрытия в законодательстве.

¹⁷ Абзац 3 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

Литература

1. Антонова Е.Г. Противоправное поведение как основание гражданской ответственности / Е.Г. Антонова // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 29–32.
2. Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк / В.В. Байбак // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2014. № 6. С. 4–21.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. 2-е изд. Москва : Статут, 2001. 410 с.
4. Ильин А.В. К вопросу о допустимости квалификации судебных расходов в качестве убытков / А.В. Ильин // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 6. С. 120–129.
5. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве / Р.О. Опалев. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 248 с.
6. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под редакцией И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2021.
7. Тарасов И.Н. Категория «судебные издержки» в гражданском процессуальном праве / И.Н. Тарасов // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 9–12.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-9-14

Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени

Батурина Наталья Александровна,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
nataljabtrn@rambler.ru

Автор статьи на основании краткого экскурса в историю, анализа юридической литературы и судебной практики по гражданским делам оценивает причины неэффективности ст. 99 ГПК РФ и предлагает способы активизации ее положений.

Ключевые слова: гражданский процесс, фактическая потеря времени, компенсация, злоупотребление правом.

Some Reasons for Inefficiency of the Procedural Law Provision on Collection of Damages for the Actual Loss of Time

Natalya A. Baturina

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law), Associate Professor

The author of the article, based on a brief digression into history, analysis of legal literature and judicial practice in civil cases, assesses the reasons for the ineffectiveness of Article 99 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and suggests ways to activate its provisions.

Keywords: civil process, actual loss of time, compensation, abuse of the right.

В современных условиях увеличения судебной нагрузки возрастает потребность в эффективных мерах против бесхозяйных судебных процессов и злоупотреблений правами¹. К числу нормативных предписаний, которые должны быть процессуальными инструментами, предназначенными для борьбы с недобросовестными участниками гражданского судопроизводства, относится ст. 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — ГПК РФ), в соответствии с которой со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систе-

матически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, в пользу другой стороны возможно взыскать компенсацию за фактическую потерю времени.

Положение о взыскании компенсации за фактическую потерю времени известно процессуальному законодательству достаточно давно. Прототип данной нормы встречается еще в Судебнике 1550 г., согласно которому истец, подавший необоснованный иск, должен был заплатить ответчику «простей и волокиты три деньги на день процесса»³. В Соборном Уложении 1649 г. простей и волокиты получили дальнейшее развитие. Их должен был платить всякий (истец, ответчик, по-

¹ См.: Бортникова Н.А. Компенсация за фактическую потерю времени как разновидность судебных издержек в гражданском судопроизводстве // Общество. Закон. Правосудие. 2021. № 2 (51). С. 20.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и учреждения Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 95.

ручители, приказные люди и даже судья), из-за кого произошло замедление процесса⁴. Позднее в российском до-реформенном судопроизводстве лицо, проигравшее суд, стало подвергаться судом первой инстанции штрафу в размере 5% от суммы иска. Если был проигран суд второй инстанции, то штраф составлял 10% от цены иска⁵. С введением Устава гражданского судопроизводства (1864 г.) штрафы за неправомерные иски и за апелляционные жалобы, признанные судом необоснованными, были отменены.

В 1929 г. в советском процессуальном законодательстве получило закрепление положение о вознаграждении за фактическую потерю времени, согласно которому размер вознаграждения зависел от размера среднего заработка и ограничивался 5% от присужденной к взысканию суммы⁶. В 1995 г. данная законодательная конструкция была изменена путем наделения ее оценочным характером в вопросе определения размера вознаграждения. В действующем гражданском процессуальном законе была изменена терминология: термин «вознаграждение» заменен на термин «компенсация»⁷.

Анализ судебной практики позволяет утверждать, что рассматриваемая мера противодействия недобросовестным действиям сторон фактически не применяется, что дает основание

ученым относить ст. 99 ГПК РФ к неработающим нормам⁸. Ввиду неэффективности названной статьи отдельные авторы высказываются за ее исключение из действующего процессуального законодательства и предлагают внедрить в него положение, аналогичное предусмотренному в ст. 111 Арбитражного процессуального кодекса⁹ (далее — АПК РФ), а именно закрепить отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами¹⁰. Хотя стоит отметить, что и в отношении эффективности последней в юридической литературе высказываются критические замечания¹¹.

Краткий исторический экскурс подводит нас к выводу о целесообразности существования в законодательстве нормы ст. 99 ГПК РФ. Полагаем, что весьма немногочисленная практика рассмотрения судами вопросов о взыскании компенсации за потерю времени не должна являться основанием для исключения ст. 99 ГПК РФ, а должна побуждать к более детальному анализу причин, приводящих к ее игнорированию и предложению способов активизации ее положений.

В доктрине гражданского процессуального права называются различные причины, обуславливающие «обездвиженность» ст. 99 ГПК РФ. Назовем и проанализируем основные из них.

⁴ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/383> (дата обращения: 05.01.2022).

⁵ См.: См.: Сводь законовъ Россійской имперіи. Т. 10. Ч. 2. Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 ноября 1929 г. «Об изменении ст. 21, 23, 23-а, 24, прим. 1 к ст. 25, ст. 32, 43, 46, 78, 80, 111, 114, 177, 186, 238, 242, 245, 246, 248, 249, 250, 252, 254, 254-а, 254-б, 254-г, 270, 284, 286 и прим. 2 к ст. 289, дополнении ст. 26, 35, 45, 46, 107, 152, 182, 239 и 271, исключении прим. 2-го к ст. 286 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и о дополнении того же Кодекса ст. 23-б, 31-а, 33-а, 52-а, 80-а, 80-б, 80-в, 235-б, 256-б, 277-а и 291-а» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Шанькин Д.А. Компенсация за фактическую потерю времени // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 173.

⁸ Как показывают опросы судей, ст. 99 ГПК РФ применяется крайне редко. В некоторых судах за несколько лет не выявлено ни одного случая применения ст. 99 ГПК РФ.

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Трезубов Е.С., Щеглова Н.С. Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 289.

¹¹ См.: Ермаков А. Н. Правовые последствия недобросовестного поведения участников арбитражного процесса: целесообразность и эффективность применения процессуальных норм // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 12. С. 9–12.

Неоднозначность правовой природы компенсации за фактическую потерю времени

Крайне редкое применение судами ст. 99 ГПК РФ, по мнению многих исследователей, детерминировано сложностью понимания правовой природы интересующей нас категории. По действующему гражданскому процессуальному законодательству рассматриваемый вид компенсации отнесен к судебным издержкам, однако в то же время является санкцией за виновное недобросовестное процессуальное поведение. Такое совмещение функций, по мнению М.В. Калининой, приводит к тому, что по факту ст. 99 ГПК РФ не способна в полной мере выполнить ни одну из них¹².

Одни авторы считают, что отнесение компенсации к судебным издержкам оправданно, поскольку временные издержки непосредственно связаны с рассмотрением и разрешением дела в суде¹³, другие усматривают в ней штрафную (карательную) природу. По мнению А.В. Юдина, является ошибкой отнесение компенсации за потерю времени к судебным издержкам, поскольку по своей сути она представляет собой меру процессуально-правовой ответственности, продолжаящую положение ч. 1 ст. 35 ГПК РФ¹⁴. Поддерживая точку зрения А.В. Юдина, отдельные ученые предлагают положения о компенсации за потерю времени вынести за рамки главы о судебных расходах и поместить в главу о судебных штрафах¹⁵.

¹² См.: Калинина М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6. С. 23.

¹³ См.: Евсеев Е.Ф. Некоторые вопросы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском процессе // Адвокат. 2013. № 12. С. 31–41.

¹⁴ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 35.

¹⁵ См.: Борисенко Ю.С. Проблемы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве и основные направления их устранения // Вестник ВГУ. Серия : Право. 2020. № 2. С. 94–95 ; Шмотин К.С. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 135.

Научная дискуссия о правовой природе рассматриваемой нами категории, несомненно, представляет интерес с теоретической точки зрения, однако в большей степени сводится к вопросу о повышении эффективности борьбы с злоупотреблением процессуальными правами. На наш взгляд, отсутствует какое-либо противоречие в том, что компенсация за потерю времени обременяет двойственной природой. Видится, что отрицание той или другой составляющей следует расценивать как крайности, приводящие к практическим затруднениям. Маловероятно, что перенос нормы о компенсации из одной главы ГПК РФ в другую главу в корне исправит ситуацию. Более действенным видится наряду с нормой ст. 99 ГПК РФ закрепить в ГПК РФ норму, предусматривающую штраф за затягивание рассмотрения дела. Ведь в результате недобросовестного поведения стороны необоснованные временные траты несет не только другая сторона спора, но и суд. Кроме того, затягивание судопроизводства посягает и на основную задачу гражданского судопроизводства — своевременность рассмотрения гражданского дела. Заметим, что возможность взыскания одновременно компенсации и штрафа в настоящее время установлена процессуальным законодательством некоторых стран¹⁶.

Неоднозначность понимания категории «фактическая потеря времени»

В обыденном, житейском представлении время — нечто известное, привычное и даже в какой-то мере очевидное. Но если задуматься над тем, что такое время, возникают сложные, таинственные вопросы, остро обсуждавшиеся в философии и естествознании¹⁷. Время является важным компонентом и правовой жизни общества.

¹⁶ См.: Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии : моногр. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 118–119.

¹⁷ См.: Введение в философию : учебн. для высших учебных заведений. Часть 2. М. : Политиздат, 1989. С. 77.

В праве оно выступает фактором или условием, при наступлении которого возможность может осуществиться, т.е. стать действительностью¹⁸. В нашей жизни понятие времени формируется благодаря сравнению, сопоставлению различных процессов движения. Что бы ни говорили ученые о природе времени, для человека это прежде всего не теоретическое понятие, а ощущение.

Среди ученых бытует мнение, что сущность компенсации за потерю времени заключается в том, что она направлена исключительно на возмещение убытков, возникших у лица в результате рассмотрения судом гражданского дела. Так, Д.Б. Абушенко считает, что время не является объектом гражданских прав, а поэтому и нет причин для компенсации потери времени¹⁹. Аналогичный подход мы встречаем и в судебной практике. Суды, опираясь на позицию высшей судебной инстанции, изложенной в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 г.²⁰, как правило, присуждают компенсацию за потерю времени в случае, когда установлено, что из-за недобросовестности в поведении стороны другая сторона потеряла доходы, заработную плату или понесла иные убытки²¹.

Считаем, что обозначенная позиция является ошибочной. Как известно, сторона, участвуя в судебных заседаниях, может нести не только убытки в виде утраты заработка и иных доходов.

¹⁸ См.: Виссаров А.В. Возможность и время в праве: некоторые аспекты // Вестник Марийского государственного университета. Серия : Исторические науки. Юридические науки. 2017. № 4 (12).

¹⁹ См.: Абушенко Д.Б. Об общих подходах к реформированию процессуального законодательства сквозь призму системного влияния материального права на цивилистический процесс и «частных вкраплений» материального права в процессуальную ткань // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 29.

²⁰ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года, утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 3 и 24 декабря 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3.

²¹ Например, см.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 мая 2018 года по делу № 33-17488/18 // СПС «Консультант-Плюс».

По верному замечанию Н.А. Бортниковой, потеря времени на участие в процессе может привести к нарушению и таких конституционных прав, как на охрану здоровья, право на образование, право на отдых, право на свободное использование своих способностей для предпринимательской и иной деятельности²².

Буквальный и системный способы толкования ст. 99 ГПК РФ наряду с историческим позволяют сделать вывод, что в ней имеется в виду компенсация за неимущественные потери лица, которые названы как «фактическая потеря времени». В контексте указанной нормы компенсироваться должно пребывание стороны в неблагоприятном для нее состоянии, связанном с необходимостью быть стороной в гражданском судопроизводстве, что, бесспорно, само по себе уже занимает личное время и тем самым причиняет лицу определенные неудобства.

Безусловно, денежная компенсация не вернет потраченного зря времени, она может лишь нивелировать возникшие негативные последствия. Другими словами, компенсация за потерянное время — это фикция его возвращения, которую законодатель использует в виду отсутствия иных возможностей.

Здесь возникает вопрос: как перевести затраты времени в денежный эквивалент? Ни ГПК РФ, ни судебная практика пока не дают ответа на данный вопрос. В юридической литературе предлагаются различные способы перевода затрат времени в денежный эквивалент. Представляется удачным порядок, применяемый по схожему вопросу в конституционном судопроизводстве, а именно: заявителям и их представителям выплачивается компенсация за потерянное время в связи с явкой в суд в размере, устанавливаемом актом Конституционного Суда Российской Федерации на основании фактических затрат времени и 500 рублей²³. Для перевода фактических

²² См.: Бортникова Н.А. Указ. соч. С. 20.

²³ См.: Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2005 г. № 257 «О порядке и размерах воз-

затрат времени в денежное выражение можно воспользоваться предложением научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Татарстан и рассчитывать размер компенсации путем умножения суммированного времени (часы) на среднечасовой доход, подтвержденный документально²⁴.

Правила распределения бремени доказывания юридически значимых обстоятельств и сложности их доказывания

Проведенный анализ судебной практики показывает, что в большинстве случаев, когда сторона заявляет требование о взыскании в ее пользу компенсации за потерю времени, суд, ссылаясь на позицию, изложенную в ранее обозначенном Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 г., отказывает в присуждении такой компенсации, аргументируя это тем, что стороной не были представлены доказательства, которые свидетельствовали бы о недобросовестности ответчика в заявлении спора против иска либо о его систематическом противодействии правильному и быстрому рассмотрению и разрешению дела.

Из представленной позиции очевидно, что правоприменителем в основу положена презумпция добросовестности лица, пока противоположной стороной не будет доказано иное. Доказать недобросовестность крайне сложно, поскольку доказыванию подлежат не только совершение процессуальных действий (бездействие) стороны, но и ее вина. В юридической литературе

мещения судебных расходов, понесенных гражданами и (или) объединениями граждан, а также их представителями в связи с участием в конституционном судопроизводстве» (с изменениями от 14.05.2013, 30.10.2014, 07.03.2016, 12.11.2018. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Documents/Compensation.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

²⁴ См.: Научно обоснованные рекомендации «О применении законодательства о судебных расходах в гражданском судопроизводстве»: утв. на заседании научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Татарстан 29 ноября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

неоднократно высказывались критические замечания относительно такой позиции²⁵.

Оставляя за рамками статьи размышления о сущности презумпции добросовестности в процессуальном праве, отметим следующее. Анализ постановлений суда, размещенных в ГАС «Правосудие», показал, что в системе можно встретить немало судебных актов, в которых имеет место констатация судом факта злоупотребления процессуальными правами со стороны лиц, участвующих в деле²⁶. Например, немало судебных актов, в которых суды обращают внимание на неоднократное изменение истцами предмета и оснований иска, размера исковых требований, что приводит к увеличению установленного законом срока рассмотрения дела²⁷. Однако констатация злоупотребления правом, как правило, не влечет негативных последствий для нарушителя, это объясняется тем, что ввиду отсутствия официального толкования рассматриваемой нормы судьи из-за боязни отмены судебных актов судом вышестоящей инстанции заинтересованы только в правильном рассмотрении дела по существу и предпочитают не обращать внимания на сомнительное процессуальное поведение, чтобы не ставить лишний раз судебный акт под угрозу отмены. Однако если на факт указано судом в судебном акте, то факт установлен, следовательно, не нуждается в дополнительном доказыва-

²⁵ См.: Ермаков А.Н. Правовые последствия недобросовестного поведения участников арбитражного процесса: целесообразность и эффективность применения процессуальных норм // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 12. С. 9–12; Бортникова Н.А. Указ. соч. С. 24.

²⁶ Например, см.: Решение Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области от 2 сентября 2020 г. по делу № 2-534/2020. URL: https://ahtub--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 30.03.2022); Решение Вологовского районного суда Ленинградской области от 15 сентября 2020 г. по делу № 2-412/2020. URL: https://volosov--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 30.03.2022).

²⁷ Например, см.: Решение Первомайского районного суда от 26 марта 2021 г. по делу № 2-222/21. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--plai/58474250> (дата обращения: 30.03.2022).

нии лицом, пострадавшим от действий недобросовестной стороны. В таких случаях считаем, что суд должен применять ст. 99 ГПК РФ и взыскивать с недобросовестной стороны денежную компенсацию за фактическую потерю времени.

В заключение отметим, что, к сожалению, законодатель индифферентно отнесся к вопросу о взыскании компенсации за потерю времени. Несомненно, наличие в процессуальном законодательстве неработающих норм порождает крайне нежелательные практические последствия. Рассуждая о влиянии таких норм на практику применения процессуального законодательства, В.В. Николюк справедливо отмечает, что участники судопроизводства, «дезорientированные законодателем в части наделения их определенными правами, воспользоваться которыми они не могут из-за отсутствия в законе соответствующего механизма их реализации, обрекают себя на бесполезные с точки зрения достижения процессуального

результата для защиты своих интересов и затратные в материальном и моральном аспектах «судебные мытарства»²⁸. Полагаем, что активизация ст. 99 ГПК РФ приведет к усилению превентивной функции правосудия и обеспечит дополнительные гарантии защиты субъективных прав и законных интересов добросовестной стороны. С учетом того, что в настоящее время определение размера компенсации за потерю времени имеет оценочный характер, думается, что начинать «оживление» положений ст. 99 ГПК РФ целесообразно с принятия разъяснений высшей судебной инстанции, включающих правоинтерпретационные положения по вопросам реализации данной нормы, правила квалификации действий субъектов в качестве недобросовестного поведения и правила расчета размера компенсации за потерю времени.

²⁸ Николюк В.В. Феномен «мертвых норм» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 19.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Об общих подходах к реформированию процессуального законодательства сквозь призму системного влияния материального права на цивилистический процесс и «частных вкраплений» материального права в процессуальную ткань / Д.Б. Абушенко // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 21–33.
2. Бортникова Н.А. Компенсация за фактическую потерю времени как разновидность судебных издержек в гражданском судопроизводстве / Н.А. Бортникова // Общество. Закон. Правосудие. 2021. № 2 (51). С. 19–25.
3. Евсеев Е.Ф. Некоторые вопросы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском процессе / Е.Ф. Евсеев // Адвокат. 2013. № 12. С. 31–41.
4. Ермаков А.Н. Правовые последствия недобросовестного поведения участников арбитражного процесса: целесообразность и эффективность применения процессуальных норм / А.Н. Ермаков // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 12. С. 9–12.
5. Калинина М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения / М.В. Калинина // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6. С. 21–23.
6. Николюк В.В. Феномен «мертвых норм» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / В.В. Николюк // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 19–26.
7. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации доктора юридических наук / А.В. Юдин. Санкт-Петербург, 2009. 47 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-15-18

Освобождение доли в общем имуществе от наложения ареста (исключение из описи): проблемы и новеллы современной практики

Астахова Елизавета Дмитриевна,
аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
astahova.elizaveta@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы освобождения доли в общем имуществе от наложения ареста (исключения из описи). Настоящее исследование является актуальным ввиду наличия множества спорных ситуаций, с которыми сталкиваются собственники общего совместного и долевого имущества в процессе рассмотрения дела. Проанализированы эффективность и результативность взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с различными органами государственной власти и кредитными организациями в процессе получения сведений об имущественном положении супруга (супруги) должника. Автор пришел к выводу о том, что возможность передачи документов с помощью электронного документооборота и включение сведений в одну электронную базу, несомненно, повышают оперативность и результативность деятельности судебных приставов.

Ключевые слова: гражданский процесс, исполнительное производство, реализация имущества, исковая форма защиты, общая совместная собственность, общая долевая собственность, судебный пристав.

Release of a Share in Common Property from Seizure (Exclusion from the Inventory): Problems and Novelties of the Modern Practice

Elizaveta D. Astakhova
Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure
of the Saratov State Law Academy

The article is devoted to the analysis of the problem of releasing a share in common property from seizure (exclusion from the inventory). This study is relevant in view of the many controversial situations that the owners of common joint and shared property face in the process of considering a case. The efficiency and effectiveness of the interaction of the Federal Bailiff Service with various government bodies and credit organizations in the process of obtaining information about the property status of the debtor's spouse are analyzed. The author came to the conclusion that the possibility of transferring documents using electronic document management and the inclusion of information in one electronic database, undoubtedly, increase the efficiency and effectiveness of the bailiffs.

Keywords: civil procedure, enforcement proceedings, sale of property, enforcement proceedings, common joint ownership, common shared ownership, bailiff.

Имущество, которое находится в собственности двух или нескольких лиц, часто является объектом взыскания при принудительном исполнении требований имущественного характера, несмотря на то что должником по исполнительному производству является только один из собственников. Данная ситуация возникает при отсутствии или недостаточности у должника иной собственности для удовлетворения имущественных требований кредитора. В таком случае доля должника может быть выделена в натуре в судебном порядке, и при удовлетворении такого требования судебный пристав-исполнитель может обратиться на нее взыскание. Однако при невозможности выдела доли или наличия возражений других участни-

ков общего имущества заинтересованный собственник вправе выкупить долю должника пропорционально ее рыночной стоимости¹. Неотъемлемой частью указанной процедуры является извещение всех собственников об обращении взыскания на долю должника, в противном случае право покупки этой доли до проведения публичных торгов будет считаться нарушенным. Восстановление права происходит путем предъявления искового заявления с требованием о переводе прав и обязанностей покупателя на

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

истца в течение трех месяцев со дня, когда стало или должно было стать известно о совершении сделки (срок является преклюзивным). Судебный акт, которым удовлетворен указанный иск, является основанием для внесения соответствующих записей в Единый государственный реестр недвижимости (далее — ЕГРН)². Однако на практике, как правило, истцы просят признать договор купли-продажи недействительным или допускают иные ошибки, которые приводят к отказу в удовлетворении исковых требований. Так, судебный пристав-исполнитель обратился с иском к гражданину об обращении взыскания на земельный участок, на котором расположено помещение автосервиса и гаража. Судом первой инстанции исковые требования были удовлетворены. Не согласившись с указанным решением, гражданин обратился в суд с кассационной жалобой, в которой просил решение суда отменить как незаконное и необоснованное, так как судом не было учтено, что в отношении спорного земельного участка действует режим долевой собственности. Другой участник долевой собственности не был привлечен к участию в деле, несмотря на то что судебным актом затрагиваются его права и законные интересы. Доказательств возможности выдела доли в натуре истцом представлено не было, а отчуждение земельного участка отдельно от находящегося на нем недвижимого имущества недопустимо, поскольку приведет к невозможности использования оставшейся части имущественного комплекса. Кроме того, истцом не была представлена оценка доли, на которую обращается взыскание для решения вопроса о первоначальной цене реализации и соразмерности сумме долга. Таким образом, судебные акты нижестоящих судов кассационным судом были отменены, дело направлено на новое рассмотрение³.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2020 г. по делу № 88-19970/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Российское законодательство устанавливает общие принципы обращения взыскания на имущество должника, однако для целей принудительного исполнения режимы общей собственности обладают своими специфическими особенностями. В общей долевой собственности доля каждого лица точно определена документально (выписка из ЕГРН и иные правоустанавливающие документы), соответственно, выявить круг участников, а также размер доли каждого из них не вызывает затруднений. С общим совместным имуществом возникают вопросы, поскольку сначала необходимо определить, что будет к нему относиться.

В настоящее время для выявления общего совместного имущества судебному приставу-исполнителю необходимо направить запросы в органы записи актов гражданского состояния (далее — ЗАГС) о наличии актов записей о заключении и/или расторжении брака. Рассмотрение такого запроса занимает продолжительное время, так как Управление по делам ЗАГС направляет для проверки сведения в территориальные отделы ЗАГС города и области, а также специализированные отделы. Однако 31 декабря 2020 г. был завершен перевод в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг), таким образом, все существующие актовые записи конвертированы (преобразованы) в форму электронного документа и содержатся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния⁴. Соответственно, благодаря использованию единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем получение информации становится более оперативным. Так, например, на территории Саратовской области было конвертировано (преобразовано) 2 699 443 актовых записи в электронный вид (66 470 записей — в 2018 г.⁵,

⁴ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3888.

⁵ Официальный сайт ЕИС в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=2645000416518000079> (дата обращения: 26.04.2022).

1 569 858 записей — в 2019 г.⁶ и 2 699 443 актовых записи в 2020 г.^{7, 8, 9}).

Кроме того, судебный пристав-исполнитель может сделать запросы в Федеральную налоговую службу. Налоговые органы предоставляют всю информацию об имеющихся у лица счетах, в том числе о наименовании, месте нахождения банков и иных кредитных организаций, в которых они открыты, об идентификационном номере налогоплательщика и иные сведения¹⁰.

Банки тоже обязаны предоставлять приставу-исполнителю сведения об имущественном положении супруга (супруги) должника. Информация в объеме, необходимом для исполнения судебным приставом служебных обязанностей, предоставляется по его требованию в виде справок, документов и их копий. В случае неполучения такой информации судебный пристав-исполнитель вправе принять меры по привлечению банка к административной ответственности¹¹, и, как правильно отмечает А.В. Чекмарева, «без данного положения закона судебный пристав-исполнитель не мог бы вести свою служебную деятельность»¹².

Судебный пристав-исполнитель вправе также запросить в нотариальных органах сведения о наличии брачного договора, заключенного между супругами, и, в случае его наличия, запросить содержание такого договора для определения правового режима имущества супругов.

Таким образом, мы видим, что судебный пристав-исполнитель для полного и правильного выявления всех обстоятельств, влияющих на разграничение общего совместного имущества и имущества, находящегося в индивидуальной собственности, должен совершить ряд определенных действий, требующих достаточно значительных временных затрат. В практической деятельности судебный пристав-исполнитель руководствуется Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹³, однако в нем отсутствует конкретный и исчерпывающий перечень государственных органов и иных организаций, в которые судебный пристав-исполнитель обязан направлять запросы об имущественном положении должника, а также содержание указанных запросов и объем запрашиваемых сведений¹⁴. Соответственно, качество и полнота всех запрашиваемых сведений зависят только от того, насколько серьезно сам судебный пристав-исполнитель подойдет к данному вопросу в каждой конкретной ситуации. Результативность работы и правильность принимаемых судебными приставами решений можно увидеть в статистических данных. Например, в 2020 г. в суды общей юрисдикции было подано 97 340 заявлений (административных исковых заявлений) об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей. Из них 4 356 заявлений (административных исковых заявлений) было удов-

⁶ Официальный сайт ЕИС в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=2645000416519000068> (дата обращения: 26.04.2022).

⁷ Официальный сайт ЕИС в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=2645000416520000064> (дата обращения: 26.04.2022).

⁸ Официальный сайт ЕИС в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=2645000416520000065> (дата обращения: 26.04.2022).

⁹ Официальный сайт ЕИС в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/common-info.html?reestrNumber=2645000416520000066> (дата обращения: 26.04.2022).

¹⁰ Приказ МНС РФ № ВГ-3-10/265, Минюста РФ № 215 от 25 июля 2000 г. «Об утверждении Порядка взаимодействия налоговых органов Российской Федерации и служб судебных приставов органов юстиции субъектов Российской Федерации по принудительному исполнению постановлений налоговых органов и иных исполнительных документов» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 18.08.2000 № 2362) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2000. № 35.

¹¹ Письмо Банка России от 29 июля 2015 г. № 31-2-12/7140 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Чекмарева А.В. Роль судебного пристава-исполнителя в исполнительном производстве современной России // Современное право. 2010. № 5. С. 68–71.

¹³ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Гусаков С.Ю. Практические вопросы обращения взыскания на имущество, находящееся в общей совместной собственности супругов // Практика исполнительного производства. 2018. № 3. С. 5–12.

летворено судами, что составляет всего 4,48%¹⁵ (меньше, чем в 2018 г.¹⁶).

С другой стороны, необходимо отметить немалую долю отмены вышестоящими судами решений нижестоящих судов по рассматриваемой категории дел, а также отказы в удовлетворении исковых требований вследствие допущения ошибок самими истцами. Например, при предъявлении исковых требований об освобождении имущества от ареста истец не указал, какие конкретно ограничения он просит суд отменить, а также кем и в связи с чем наложен арест на имущество. Соответственно, оснований для удовлетворения исковых требований об освобождении от ареста доли в праве общей долевой собственности на квартиру у суда не имелось, так как общее (абстрактное) освобождение от ареста не отвечает принципу исполнимости судебного акта, а истцом не доказан факт того, что на долю был наложен именно арест¹⁷. Достаточно распространенной ошибкой являются случаи, когда ист-

цами не предоставляются достаточные доказательства того, что имущество, на которое наложен арест по долговым обязательствам супруга, приобретено до брака или на личные средства истца и, соответственно, не является совместным¹⁸.

В целом можно констатировать, что процедура освобождения доли в общем имуществе требует определенной юридической подкованности от лиц, оспаривающих наложение такого ареста. Необходимо подготовить и предоставить суду множество доказательств, с помощью которых с достоверностью можно аргументировать принадлежность имущества к индивидуальной собственности лица или, напротив, совместно нажитому имуществу; обосновать нарушение преимущественного права покупки доли, а также привести иные доводы, которые будут способствовать достижению верного знания о фактических обстоятельствах дела. Однако сам судебный пристав-исполнитель в данном процессе тоже играет немаловажную роль, так как от правильного определения режима собственности и размера доли в нем зависит дальнейшее урегулирование спора. Взаимодействие Федеральной службы судебных приставов с различными органами государственной власти и кредитными организациями в настоящее время продолжает переживать процесс цифровизации. Возможность передачи документов с помощью электронного документооборота и включение сведений в одну электронную базу, несомненно, повышают оперативность и результативность деятельности судебных приставов.

¹⁵ Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов (ФССП России). Сведения о вступивших в законную силу решениях судов, арбитражных судов о признании незаконными действий (бездействия) должностных лиц территориальных органов Федеральной службы судебных приставов и их структурных подразделений за 12 месяцев 2020 г. URL: <https://fssp.gov.ru/2711853> (дата обращения: 10.04.2022).

¹⁶ См.: Астахова Е.Д. Проблемы исковой формы защиты прав граждан при освобождении имущества от ареста (исключения из описи) // Перспективы развития гражданского процессуального права : сб. ст. по мат. III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева. 2019. С. 36–40.

¹⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 10 сентября 2019 г. по делу № 33-30400/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 5 июля 2018 г. по делу № 33-4445/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Астахова Е.Д. Проблемы исковой формы защиты прав граждан при освобождении имущества от ареста (исключения из описи) / Е.Д. Астахова // Перспективы развития гражданского процессуального права : материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) : сборник научных статей / редактор О.В. Исаенкова. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 36–40.
2. Гусаков С.Ю. Практические вопросы обращения взыскания на имущество, находящееся в общей совместной собственности супругов / С.Ю. Гусаков // Практика исполнительного производства. 2018. № 3. С. 5–12.
3. Чекмарева А.В. Роль судебного пристава-исполнителя в исполнительном производстве современной России / А.В. Чекмарева // Современное право. 2010. № 5. С. 68–71.

Судебный контроль как форма осуществления правосудия

Кутуев Эльдар Кяримович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kutuev@inbox.ru

Миргородская Эльвира Руслановна,
адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации
mirgorodskaya1806@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается соотношение понятий «правосудие», «разрешение уголовного дела по существу», «судебный контроль». Делается вывод о том, что они являются функциями суда, однако нетождественными. Функция правосудия шире, чем функция разрешения уголовного дела по существу, поскольку правосудие суд осуществляет и в иных производствах, например в судебно-контрольных, в апелляционном производстве и т.д. Функция судебного контроля совпадает с функцией правосудия, поскольку вопросы, разрешаемые в контрольных производствах (например, в порядке ст. 165 УПК РФ, ст. 125 УПК РФ), также разрешаются в судебном заседании. Данное положение в том числе основано на том, что, согласно п. 50 ст. 5 УПК РФ, судебное заседание является формой осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Данное утверждение позволяет сделать вывод о том, что все вопросы, которые разрешаются судом в судебном заседании по вопросам, возникающим в связи с производством по уголовному делу, в том числе при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, при избрании и продлении мер пресечения в порядке ст. 165 УПК РФ, т.е. до момента поступления уголовного дела в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом (обвинительным постановлением), являются формой реализации правосудия.

Ключевые слова: правосудие, функции суда, компетенция, судебный контроль, разрешение судом уголовного дела.

Judicial Control as a Form of Administration of Justice

Eldar K. Kutuev
Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
LL.D., Professor

Elvira R. Mirgorodskaya
Junior Scientific Assistant of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

This article discusses the relationship between the concepts of justice, the resolution of a criminal case on the merits, judicial control. It is concluded that they are the functions of the court. However, not identical. The function of justice is wider than the function of resolving a criminal case on the merits, since the court also exercises justice in other proceedings, for example, in judicial control, in appellate proceedings, etc. The function of judicial control coincides with the function of justice, since issues resolved in control proceedings (for example, in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) are also resolved in court. This provision, among other things, is based on the fact that, in accordance with paragraph 50 of Art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a court session is a form of administration of justice in the course of pre-trial and trial proceedings in a criminal case. This statement allows us to conclude that all issues that are resolved by the court in a court session on issues arising in connection with the proceedings in a criminal case, including when considering complaints in accordance with Art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, when choosing and extending preventive measures in accordance with Art. 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, that is, until the moment a criminal case enters the court with an indictment, an indictment (indictment) is a form of administration of justice.

Keywords: justice, functions of the court, competence, judicial control, resolution of a criminal case by the court.

Как отмечают ученые, до настоящего времени вопрос о функциях суда, в частности контрольно-разрешительных на досудебном производстве¹, является недостаточно изученным². Как показал анализ трудов ученых, рассматривающих данную проблематику³, можно сделать вывод о том, что основным вопросом, порождающим споры и дискуссии, выступает то, является ли судебный контроль функцией суда или это особая форма правосудия. Действительно, для дискуссии есть все основания.

Во-первых, в науке уголовно-процессуального права сложилось две точки зрения на понятие правосудия. Авторы, придерживающиеся расширительного толкования правосудия, определяют эту деятельность суда как не только разбирательство в суде первой инстанции. В понятие правосудия входит также «...рассмотрение дел в апелляционном, кассационном порядке, в порядке надзора и ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Кроме того, в понятие правосудия включен в новом Кодексе и такой вид деятельности, как судебный контроль на досудебных стадиях процесса в тех случаях, когда он осуществляется в судебных заседаниях (п. 50 ст. 5)»⁴. И.Б. Михайловская указывает, что правосудием называется «вся

деятельность суда, которая осуществляется в установленном законом порядке судопроизводства...»⁵.

Представители классического (советского) понимания правосудия определяют правосудие исключительно как деятельность суда по разрешению дела по существу⁶.

Вторым основанием для дискуссии является неоднозначность законодательного определения того, что такое полномочие суда как рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее — УПК РФ) (которое многие ученые относят исключительно к контрольной функции⁸) осуществляется в форме правосудия по правилам открытого, состязательного производства согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 1). «Рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ происходит в форме осуществления правосудия по правилам состязательного производства в открытом судебном заседании...»⁹. Очевидно, что подобная противоречивая формулировка порождает споры о том, судебный контроль — это правосудие или контрольная деятельность суда. Означает ли правосудие только рассмотрение уголовного дела по существу?

На наш взгляд, разрешение данной проблемы следует начать с рассмотрения понятия функции, какие функции суда выделяют ученые, а также соотношения

¹ Рыгалова К.А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 98.

² Горбань В.В. Функции и полномочия суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 27.

³ См. напр.: Марковичева Е.В. Осуществление правосудия и функции суда в досудебных стадиях российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 125 ; Борова Д.М. Совпадает ли правосудие с разрешением уголовного дела судом? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 15.

⁴ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е изд., доп. и перераб. М. : Проспект, 2009. 992 с.

⁵ Борова Д.М. Указ. соч. С. 15.

⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 14.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Марковичева Е.В. Указ. соч. С. 125.

⁹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

контрольной функции суда с правосудием.

Нам близко определение понятия функции как основного направления деятельности¹⁰. Рассмотрим, какие основные направления судебной деятельности выделяют ученые.

Д.М. Берова выделяет следующие функции суда: контрольную функцию; корректирующую функцию; судебное санкционирование; реабилитационную функцию; функцию охраны прав и свобод человека и гражданина; организационную (распорядительную и штрафную) функцию; превентивную (воспитательно-предупредительную) функцию; принятие судом мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества¹¹. Функция разрешения уголовного дела совпадает с правосудием. Однако правосудие охватывает собой не только разрешение уголовного дела по существу, но и стадию подготовки к судебному заседанию во всех последующих стадиях «...при возобновлении дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельства, поскольку в этих случаях возможны отмена или изменение приговора, что является исключительной прерогативой суда». Не является правосудием стадия исполнения приговора, поскольку приговор не отменяется, его законность и обоснованность под сомнение не ставятся¹².

Т.К. Рябина выделяет следующие функции суда:

1) в досудебном производстве — функцию правосудия;

2) при разрешении спора о виновности (невинности), привлечении к уголовной ответственности, наказа-

нии или реабилитации осуществляется функция разрешения дела по существу, которая также охватывается понятием правосудия¹³.

В.М. Бозров выделяет наряду с функцией правосудия функцию разрешения уголовного дела по существу. Более того, ученый отмечает, что функция правосудия шире, чем функция разрешения дела по существу, поскольку охватывает всю процессуальную деятельность суда¹⁴.

З.З. Зинатуллин относит правосудие к функции суда¹⁵.

Е.В. Марковичева предлагает правосудие рассматривать как одно из полномочий суда, а судебный контроль — в качестве самостоятельной функции¹⁶.

О.В. Качалова говорит о том, что основной функцией суда является «...функция судебной защиты»¹⁷.

Согласно части 2 ст. 15 УПК РФ суд осуществляет функцию разрешения уголовного дела. В данном случае разрешение уголовного дела относится законодателем к функции суда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ученые выделяют множество судебных функций, среди которых судебный контроль, разрешение уголовного дела по существу и правосудие. Отмечается, что функция правосудия шире, чем функция рассмотрения уголовного дела по существу, поскольку включает в себя как подготовительные этапы к судебному заседанию, так и последующие (за исключением стадии исполнения приговора). Проанализировав функции

¹⁰ Горбань В.В. Функции и полномочия суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 30.

¹¹ Берова Д.М. Функции суда в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 176.

¹² Берова Д.М. Указ. соч. С. 15.

¹³ Рябина Т.К. Взгляды З.З. Зинатуллина на проблемы отправления правосудия и функций суда в различных стадиях уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 147–148.

¹⁴ Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : моногр. Екатеринбург : Изд. дом. Уральской гос. юрид. академии, 2012. С. 40.

¹⁵ Зинатуллин З.З. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. С. 378.

¹⁶ Марковичева Е.В. Указ. соч. С. 125.

¹⁷ Качалова О.В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 1. С. 8–10.

суда, а также соотношение функции правосудия с функцией разрешения уголовного дела по существу, рассмотрим, как соотносятся функция судебного контроля и функция правосудия.

В литературе также сложилось две противоположные точки зрения относительно того, совпадает ли функция судебного контроля с правосудием.

Д.М. Берова отмечает, что функция досудебного контроля не может являться правосудием, поскольку жалобы рассматривать способен не только суд, но и прокурор, руководитель следственного органа¹⁸. Согласно статье 118 Конституции Российской Федерации¹⁹ правосудие осуществляется только судом. А поскольку жалобы рассматривать могут и иные органы и должностные лица в рамках ведомственного контроля и прокурорского надзора, тогда деятельность суда по рассмотрению жалоб не является правосудием.

Не разделяя данную точку автора на приводимое основание разграничения функции судебного контроля от правосудия, отметим, что прокурор, как и руководитель следственного органа, рассматривает жалобы не в судебном заседании, без вызова участников, он не вправе выносить судебное решение. Иными словами, он не встает на место судьи в судебном заседании и никак не подменяет собой судебный контроль. Рассмотрение жалоб в порядке судебного контроля регламентируется различными нормативно-правовыми актами. Рассмотрение жалоб в порядке ведомственного контроля и в порядке судебного контроля регламентируется ст. 124 УПК РФ, в которой не прописывается порядок рассмотрения жалобы,

указаны только срок рассмотрения жалобы и решение, выносимое по итогу рассмотрения жалобы. Частично также деятельность прокурора по рассмотрению жалоб регламентируется ст. 10 «Рассмотрение и разрешение в органах прокуратуры заявлений, жалоб и иных обращений» Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре»²⁰, а рассмотрение судом жалоб регламентируется ст. 125 УПК РФ, Постановлению Пленума ВС РФ № 1. Согласно статье 125 УПК РФ суд рассматривает жалобу в судебном заседании с участием сторон. В начале судебного заседания судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, разъясняет их права и обязанности, заслушивает доводы заявителя, доводы прокурора. Прокурор или руководитель следственного органа не рассматривают жалобу в порядке судебного заседания, никому права не разъясняют, стороны не заслушивают. Суды в своей деятельности независимы ни от кого, что также подчеркивает независимость рассмотрения судом жалоб и недопустимость отождествления различного порядка рассмотрения жалоб. Кроме того, различаются и пределы вторжения в уголовно-процессуальную деятельность. В своем постановлении прокурор или руководитель следственного органа указывают процессуальные действия, необходимые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления (ч. 2.1 ст. 124 УПК РФ). Суд же в своем постановлении только устанавливает, были ли допущены нарушения.

Представляется целесообразным рассмотреть противоположную точку зрения авторов, отождествляющих правосудие и судебный контроль. Так, В.А. Лазарева говорит о том, что они рассматриваются по одной и той

¹⁸ Берова Д.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

же процедуре, как и разрешение судом уголовного дела по существу. Процесс разрешения ходатайства органа расследования или прокурора о заключении под стражу аналогичен процедуре рассмотрения уголовного дела²¹. Действительно, согласно п. 50. ст. 5 УПК РФ, «судебное заседание — процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу»²². Данное положение позволяет нам говорить о том, что все производства, которые происходят в судебном заседании, являются формой осуществления правосудия.

Так, например, в таком судебно-контрольном производстве, как разрешение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, также проводится судебное заседание, приглашаются стороны защиты, стороны обвинения. В ходе судебного следствия исследуются доказательства сторон, оцениваются доводы заявителя, доводы прокурора, должностного лица, действие или решение которого обжалуются. По итогам судебного заседания выносятся постановления, обязательные для исполнения.

Еще одним аргументом выступает положение о том, что в данных производствах также разрешается правовой спор, как и при рассмотрении уголовного дела. Например, в правовом споре об ограничении конституционных прав граждан при избрании мер пресечения или при рассмотрении жалоб предметом спора выступает вопрос о том, было ли допущено нарушение конституционных прав личности или ограничено право на доступ к правосудию.

Кроме того, согласно Федеральному конституционному закону от 7 фев-

раля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции», «суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства»²³. Из данного предложения можно сделать вывод о том, что суд осуществляет правосудие, разрешая споры (например, спор о том, было ли допущено нарушение конституционного права в порядке ст. 125 УПК РФ) или рассматривая дела (например, в суде первой инстанции или апелляционной инстанции и т.д.), посредством уголовного судопроизводства. Подобная формулировка позволяет говорить о том, что правосудие может осуществляться судом не только в классическом понимании при рассмотрении уголовного дела, но и при разрешении иных споров: при избрании и продлении мер пресечения, при рассмотрении судом жалоб, в апелляционном производстве и т.д., поскольку эти вопросы суд разрешает в ходе судебного заседания, что является формой реализации правосудия.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ученые выделяют множество функций суда, в частности: контрольную функцию, функцию разрешения уголовного дела по существу, функцию правосудия. Функция правосудия шире, чем разрешение уголовного дела по существу, поскольку включает в себя не только это производство, но и иные виды производств (судебно-контрольное, апелляционное и т.д.). Функция судебного контроля совпадает с функцией правосудия, поскольку вопросы, разрешаемые в контрольных производствах (например, в порядке ст. 165 УПК РФ, ст. 125 УПК РФ), также разрешаются

²¹ Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара : Самарский ун-т, 2000. С. 53.

²² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.05.2022) // СПС СПС «КонсультантПлюс».

²³ Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

в судебном заседании. А согласно пункту 50 ст. 5 УПК РФ, судебное заседание является формой осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Данное утверждение позволяет сделать вывод о том, что все вопросы, которые разрешаются судом в судебном заседа-

нии по вопросам, возникающим в связи с производством по уголовному делу, в том числе до момента поступления уголовного дела в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом (обвинительным постановлением), являются формой реализации правосудия.

Литература

1. Берова Д.М. Совпадает ли правосудие с разрешением уголовного дела судом? / Д.М. Берова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4 (30). С. 15–19.
2. Берова Д.М. Функции суда в уголовном судопроизводстве / Д.М. Берова // *Общество и право*. 2010. № 5 (32). С. 176–184.
3. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография / В.М. Бозров. Екатеринбург : Издательский дом Уральской государственной юридической академии, 2012. 96 с.
4. Горбань В.В. Функции и полномочия суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : диссертация кандидата юридических наук / В.В. Горбань. Краснодар, 2008. 184 с.
5. Зинатуллин З.З. Избранные труды. В 2 томах. Т. 1 / З.З. Зинатуллин. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2013. 608 с.
6. Качалова О.В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве / О.В. Качалова // *Российский судья*. 2014. № 1. С. 8–10.
7. Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе / В.А. Лазарева. Самара : Самарский университет, 2000. 136 с.
8. Марковичева Е.В. Осуществление правосудия и функции суда в досудебных стадиях российского уголовного процесса / Е.В. Марковичева // *Вестник Удмуртского университета*. 2018. Т. 28. № 1. С. 125–128.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под редакцией Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2017. 1375 с.
10. Рыгалова К.А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция / К.А. Рыгалова // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017. № 1 (73). С. 98–101.
11. Рябинина Т.К. Взгляды З.З. Зинатуллина на проблемы отправления правосудия и функций суда в различных стадиях уголовного процесса / Т.К. Рябинина // *Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право*. 2018. Т. 28. № 1. С. 147–148.
12. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под редакцией А.В. Смирнова. 5-е изд., доп. и перераб. Москва : Проспект, 2009. 992 с.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Перераб. и доп. изд. Москва : Наука, 1968. 236 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-25-28

Анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершенным сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации

Пошелов Павел Викторович,
старший преподаватель кафедры уголовного права Сибирского юридического университета
poshelov@bk.ru

В статье анализируется судебная практика по преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершенным сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний РФ. При этом внимание уделяется таким аспектам, как признание или непризнание вины, особенности личности преступника, тактика защиты, особенности исследования доказательств. На основании исследования назначаемых наказаний дается рекомендация по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, насилие, пытки, Федеральная служба исполнения наказаний.

An Analysis of the Judicial Practice in Crimes Stipulated by Part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation and Committed by Employees of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation

Pavel V. Poshelov
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Siberian Law University

The article analyzes judicial practice on crimes under Part 3 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by employees of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. At the same time, attention is paid to such aspects as admission or non-admission of guilt, features of the criminal's personality, defense tactics, and features of evidence research. Based on the study of the penalties imposed, a recommendation is made to improve criminal legislation.

Keywords: abuse of official authority, violence, torture, Federal Penitentiary Service.

Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий предусмотрена ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ). По части третьей наказываются совершенные этого преступления:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
- б) с применением оружия или специальных средств;
- в) с причинением тяжких последствий.

Для начала обратимся к статистике по количеству осужденных за превышение должностных полномочий.

Год	Осужденных по ч. 1 ст. 286 УК РФ	Осужденных по ч. 2 ст. 286 УК РФ	Осужденных по ч. 3 ст. 286 УК РФ
2016	577	86	988
2017	517	95	840

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2018	526	103	766
2019	554	98	670
2020	423	62	529

На основании анализа статистики следует отметить следующее.

Во-первых, заметно снижение общего количества осужденных по данной статье (за 5 лет почти на 40%). Что, однако, не следует автоматически понимать как снижение количества совершаемых преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 286 УК РФ. Данное преступление следует считать достаточно латентным в силу специфики субъекта преступления: зачастую жертвы не обращаются с заявлением о преступлении из опасений возможного применения таким сотрудником связей и для того, чтобы данное преступление сокрыть, и для того, чтобы негативным образом воздействовать на жертву.

Во-вторых, по статистике в структуре всей ст. 286 УК РФ самой распространенной по количеству осужденных является именно часть третьей. Доля осужденных по части третьей от общего количества осужденных по ст. 286 УК РФ составляет 50–60% (от 60% в 2016 г. до 52% в 2020 г.).

К сожалению, никакая из сфер государственной службы не застрахована от лиц, которые могут воспользоваться своим должностным положением для совершения преступлений. Не является исключением и Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН РФ). При этом многие случаи насильственного превышения должностных полномочий сотрудниками этой службы вызывают большой общественный резонанс, что негативно сказывается на доверии граждан как к данному органу, так и к государству в целом, что может впоследствии повлечь самые неприятные последствия. Как отмечается в научной литературе, совершение сотрудниками исправительных учреждений должностных преступлений не способствует достижению основной цели — исправлению осужденных². Таким образом, повышенная общественная опасность таких преступлений очевидна. Вышеизложенное предопределяет необходимость проведения научных исследований по данной тематике.

Рассмотрим судебную практику по части третьей ст. 286 УК РФ, в которой в качестве осужденных выступают сотрудники ФСИН РФ. Нами было исследовано 30 приговоров (источником является сайт sudact.ru), при этом обнаружены следующие особенности.

Во время расследования и рассмотрения дела в суде чаще всего обвиняемым избирают подписку о невыезде — в 60% случаев. Еще в 20% — запрет определенных действий. По 10% приходится на домашний арест и заключение под стражу. Таким образом, несмотря на потенциальную возможность оказания противоправного влияния на потерпевших и свидетелей с помощью своего служебного положения, правоприменительные органы ограни-

чиваются наименее тяжкой мерой пресечения.

В половине из рассмотренных случаев преступление было совершено группой лиц либо группой лиц по предварительному сговору, случаи применения насилия одним сотрудником также нередки. При этом достаточно часто судами отмечается мотив совершения данного преступления сотрудниками в случае получения ими приказа на насильственные действия от непосредственного руководства — ложно понятые интересы службы. В научной литературе предлагается для более четкого разграничения противоправного применения насилия от неправомерного дополнить гл. 8 УК РФ отдельным обстоятельством, исключающим преступность деяния, распространяющимся на сотрудников правоохранительных органов, правомерно причиняющих вред при исполнении своих полномочий³. Предложение, безусловно, заслуживает интереса, однако представляется, что действующая система обстоятельств, исключающих преступность деяния, вполне может соответствовать рассматриваемым деяниям.

Что касается особенностей личности осужденных сотрудников, то здесь необходимо обратить внимание на несколько аспектов. В основном среди осужденных оказываются представители младшего офицерского состава (в частности, лейтенанты, капитаны) либо рядового и сержантского состава. Гораздо реже встречается старший офицерский состав (майоры). По занимаемой должности это либо оперуполномоченный оперативного отдела, либо инспектор отдела режима. Также иногда в качестве осужденных выступают представители руководящего состава — заместители начальника колонии, начальники отдельных структурных подразделений. Практически всегда в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, присутствуют наличие у осужденных малолетних детей, наличие ведомственных наград, положительных характеристик.

В 43% случаев обвиняемые признавали свою вину, в 50% (отметим, что по сравне-

² Маратканов Н.А. Должностные преступления сотрудников в уголовно-исполнительной системе: основные признаки и профилактика // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. 2014. № 23. С. 196.

³ Конарев М.Ю. Критерии наступления уголовной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы за действия, связанные с применением ими физической силы, специальных средств и оружия // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2 (16). С. 47.

нию с другими преступлениями это очень высокий процент) — не признавали, еще в 7% — признавали частично. Позиция стороны защиты в случаях непризнания вины в основном сводится к следующему: либо, по мнению стороны защиты, осужденные первыми начали применять насилие, а насилие со стороны сотрудников было способом пресечь противоправные действия; либо осужденный нанес повреждения сам себе, чтобы опорочить честь сотрудника, незаконно его обвинить.

В действительности же почти во всех рассмотренных нами случаях насилие со стороны сотрудников является местью за неповиновение со стороны осужденных, способом их принуждения к послушанию. С точки зрения виктимологии большинство жертв можно отнести к агрессивному, провоцирующему либо активному типу⁴.

Потерпевшие почти никогда не заявляют о данных фактах, опасаясь мести со стороны сотрудников. Выявляются такие факты, как правило, либо прокурорской проверкой, либо опубликованием видеозаписей с места преступления в сети Интернет. Проверки законности, проводимые общественными наблюдательными комиссиями, нарушений обычно не находят. Во многих приговорах есть указание на то, что по фактам применения к осужденным насилия проводились служебные проверки, которые не нашли нарушений в действиях сотрудников. Учитывая, что в дальнейшем по данным фактам выносились обвинительные приговоры, это заставляет задуматься о качестве проводимых служебных проверок.

Часто подсудимыми и свидетелями по ходу расследования дела меняются показания (например, первоначальные показания состояли в том, что насилие не применялось, затем — что применялось, но как ответ на насилие со стороны осужденного). Показания свидетелей — сотрудников подследственных суд во многих случаях оценивает критически, отмечая желание смягчить судьбы виновных.

Вред здоровью осужденным причиняется в 16% случаев, в большинстве же ситуаций применяется насилие,

не влекущее вреда здоровью, но причиняющее сильную физическую боль. При этом локализация наносимых ударов почти во всех случаях (чаще всего удары наносятся в область ягодиц) говорит о намерении не только причинить физическую боль, но и унижить честь и достоинство осужденного. Еще реже встречается дополнительная квалификация по другим статьям (но такая практика все-таки есть): ч. 4 ст. 111 УК РФ, ст. 132 УК РФ и т.д. При этом отмечается следующая тенденция: в особо тяжких преступлениях, совершенных в отношении заключенных, сотрудники ФСИН выступают, как правило, уже не в качестве исполнителей преступления, а являются их организаторами (в частности, для применения насилия в отношении осужденных используются другие осужденные).

По назначаемым наказаниям ситуация следующая: в 76% было назначено условное лишение свободы, в оставшихся 24% — реальное лишение свободы. Средний срок и в том и в другом случае — три с половиной года (притом что санкция статьи — от трех до десяти лет лишения свободы). Средний срок назначаемого дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности составляет два года. В 13% случаев суд, помимо этого, дополнительно лишал виновных звания.

В каждом из приговоров есть указание на то, что своими действиями сотрудники, совершающие преступления, подрывают авторитет ФСИН в глазах населения, распространение подобных случаев формирует негативный образ данного органа и правоохранительной системы в целом. В связи с этим вызывает вопросы практика назначения наказаний за это преступление (к тому же по части третьей это является тяжким преступлением).

Вопросы совершенствования данной нормы неоднократно поднимаются на страницах юридической литературы⁵. Не остался в стороне и законодатель. Так или иначе, в Государственную думу Российской Федерации в конце 2021-го —

⁴ Бойко О.А., Хоменко А.Н., Пестерева Ю.С., Бражников В.В. Актуальные проблемы виктимологии: учебное пособие. Омск: Омская юридическая академия, 2017. С. 93.

⁵ Сусарин А.А. Особенности уголовной ответственности за превышение полномочий, связанное с применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками ФСИН России // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 33.

начале 2022 г. были внесены два законопроекта, вносящие изменения в ст. 286 УК РФ.

Одним из них предлагается выделить пытки в отдельный состав преступления (с одновременным исключением этого понятия из ст. 117 и 302 УК РФ), причем по части второй этой статьи (с применением оружия, специальных средств или иных предметов, используемых для усиления боли или страданий физических или нравственных; группой лиц; в отношении несовершеннолетнего; с особой жестокостью; из корыстной заинтересованности; в отношении двух или более лиц) предполагается наказание в виде лишения свободы от пяти до пятнадцати лет. При этом под применением пытки понимается совершение любого действия, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также чтобы запугать или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдания причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве или по их подстрекательству, или с их ведома, или молчаливого согласия⁶.

Второй законопроект, наряду с исключением понятия пытки из ст. 117 УК РФ, дополняет ст. 286 УК РФ частью четвертой, которой предлагается наказывать за превышение должностных полномочий с применением пытки (на-

казание — от четырех до двенадцати лет лишения свободы). При этом под пыткой понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также чтобы запугать или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера. Кроме того, расширяется перечень субъектов преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ (в случае принятия законопроекта в качестве субъектов будут выступать и иные сотрудники правоохранительных органов)⁷.

Таким образом, оба законопроекта предлагают сделать превышение должностных полномочий с применением пытки особо тяжким преступлением. Это позволит, во-первых, увеличить сроки давности привлечения к уголовной ответственности за это преступление, что является достаточно важным, поскольку зачастую такие факты вскрываются спустя уже большое количество времени. Во-вторых, за заранее не обещанное укрытельство такого преступления будет следовать уголовная ответственность по ст. 316 УК РФ. Очевидно, посредством таких законодательных инициатив законодатель хочет дать понять правоприменителю, что практика назначения за такие преступления условного осуждения на минимальный срок не соответствует принципу справедливости.

⁶ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/89802-8> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8> (дата обращения: 05.05.2022).

Литература

1. Бойко О.А. Актуальные проблемы виктимологии : учебное пособие / О.А. Бойко, А.Н. Хоменко, Ю.С. Пестерева, В.В. Бражников. Омск : Омская юридическая академия, 2017. 240 с.
2. Конарев М.Ю. Критерии наступления уголовной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы за действия, связанные с применением ими физической силы, специальных средств и оружия / М.Ю. Конарев // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2 (16). С. 45–47.
3. Маратканов Н.А. Должностные преступления сотрудников в уголовно-исполнительной системе: основные признаки и профилактика / Н.А. Маратканов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 23. С. 195–199.
4. Сусарин А.А. Особенности уголовной ответственности за превышение полномочий, связанное с применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками ФСИН России / А.А. Сусарин // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 29–33.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-29-32

Ошибки, допускаемые судами при вынесении частных определений и постановлений

Закарян Саркис Арменович,

преподаватель кафедры правовых дисциплин Московского экономического института, соискатель кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия
3263954@mail.ru

Частные определения и постановления являются мерой судейского реагирования, будучи принимаемыми с целью предупреждения обстоятельств, способствующих совершению преступлений и нарушению прав, свободы и законных интересов. Закон обязывает в каждом случае вынесения частного определения или постановления конкретно указывать, кем и какими действиями или в результате бездействия совершено правонарушение, а также должностное лицо соответствующего органа, уполномоченное устранить допущенное нарушение. Однако анализ судебной практики по проверке частных определений и постановлений в судах апелляционной инстанции свидетельствует, что изложенные выше требования не всегда исполняются судами первой инстанции в надлежащем виде.

В результате анализа решений судов апелляционной инстанций об отмене частных определений и постановлений выделяются наиболее часто совершаемые судебные ошибки при вынесении данных решений.

Ключевые слова: фактические обстоятельства, обоснованность, нарушение закона, права и свободы гражданина, адресат частного определения или постановления.

Mistakes Made by Courts in the Pronouncement of Special Rulings and Resolutions

Sarkis A. Zakaryan

Lecturer of the Department of Legal Disciplines of the Moscow Economic Institute
Degree-Seeking Student of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya of the Russian State University of Justice

Private rulings and decisions are a measure of judicial response, taken with the purpose of preventing circumstances contributing to the commission of crimes and the violation of rights, freedoms and legitimate interests. The law obliges in each case of a private definition or ruling to specify by whom, and by what actions or as a result of inaction the offense was committed, as well as the official of the relevant body authorized to eliminate the violation. However, an analysis of judicial practice on the verification of private determinations and rulings in courts of appeal shows that the above requirements are not always properly executed by courts of first instance.

As a result of the analysis of the decisions of the courts of appeal on the abolition of private rulings and decisions, the most frequently committed judicial errors in making these decisions are highlighted.

Keywords: factual circumstances, validity, violation of the law, rights and freedoms of a citizen, addressee of a private ruling or resolution.

Частные определения и постановления являются особым видом судебных решений, направленных на исключение обстоятельств, создающих условия для совершения преступлений и правонарушений. Такие решения являются мерой реагирования суда на причины и условия, способствующие совершению преступлений и нарушений прав и свобод граждан, а равно другие нарушения требований закона, допущенные при производстве предварительного рас-

следования или в процессе судебного разбирательства нижестоящим судом. Назначение частных определений и постановлений выделяет их особенности, отличающиеся от других судебных решений.

Частное определение или постановление, как и любое другое решение, должно соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности. Обоснованность таких решений выражается в изложении

судом фактов нарушения закона и причин, обусловивших совершение преступления; указания доказательств, подтверждающих изложенные выводы суда; лицо, нарушившее требования закона, а также должностное лицо, уполномоченное устранить признанные судом нарушения.

В основном частные определения или постановления обращены к должностным лицам и органам, осуществляющим предварительное расследование и проводившим оперативно-разыскные мероприятия. Однако в некоторых случаях (которые будут рассмотрены ниже) нарушения закона допускаются другими участниками судопроизводства, например адвокатом, прокурором, осуществляющим надзор в соответствующей области права; прокурором, поддерживающим обвинение; судьей; председателем суда и другим лицам.

В практике возникают проблемы с определением надлежащего адресата частного определения или постановления — должностного лица, уполномоченного устранить те или иные нарушения.

Так, Кузьминский районный суд г. Москвы, рассматривая ходатайство следователя СО ОМВД России по району Текстильщики о продлении срока действия меры пресечения, одновременно вынес частное постановление в адрес Кузьминского межрайонного прокурора г. Москвы в связи с нарушением требований ч. 8 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ). В обосновании частного постановления суд сослался на ненадлежащий надзор за деятельностью ОМВД России по району Текстильщики в части допущения нарушения предельного срока представления соответствующего ходатайства.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Между тем в нарушение положения ч. 4 ст. 29 УПК РФ частное постановление с указанием на устранение нарушений законности вынесено не в отношении начальника СО ОМВД России по району Текстильщики г. Москвы осуществляющего руководство за следователем, проводившим предварительное расследование, а в адрес Кузьминского межрайонного прокурора г. Москвы без указания о том, какие нарушения закона им допущены. Каких-либо доказательств, подтверждающих, что приведенные в частном постановлении нарушения, допущенные следователем при предоставлении в суд указанного выше ходатайства, являются следствием деятельности должностных лиц Кузьминской межрайонной прокуратуры г. Москвы, в частном постановлении не приведено. В результате частное постановление Кузьминского районного суда г. Москвы отменено².

Особенный интерес представляют частные определения и постановления, адресованные председателям нижестоящих судов в связи с допущением судьями этого суда нарушения положений закона.

Так, в частном постановлении судьи Санкт-Петербургского городского суда обращается внимание председателя Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга о факте судьей данного суда нарушения закона при подготовке и направлении материала в суд апелляционной инстанции по жалобе заявителя в порядке, установленном положением ст. 125 УПК РФ. В то же время председатель суда не рассматривал указанный материал, сведения о его работе, в том числе по улучшению качества рассмотрения судьями материалов в их взаимосвязи с нарушением требований закона, судом апелляци-

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 мая 2019 г. по делу № 10-9161/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

онной инстанции не исследовались. При этом суд апелляционной инстанции в обосновании частного постановления не указал, какими неправомерными действиями самим председателем суда при осуществлении им руководства указанным судом были нарушены положения закона.

Положения Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в РФ»³ устанавливают независимость судей при осуществлении правосудия и невозможность постороннего воздействия на них, включая председателем суда. Указанное выше частное постановление, вынесенное председателю суда, отменено⁴.

Частное постановление, в котором обращается внимание председателя суда на нарушения требований закона при рассмотрении уголовного дела или материала судьей или коллегией судей данного суда, требует обоснования сведениями организационного характера. Такими сведениями могут служить результаты прохождения повышения профессиональной квалификации судей как факт, подтверждающий, что председатель суда уделял надлежащее внимание профессиональной компетентности судей.

В правоприменительной деятельности имеет место быть вынесение таких частных определений или постановлений. Так, судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции рассмотрела жалобу председателя суда на частное постановление, в котором обращается внимание на грубейшие нарушения закона, допущенные судьей того же суда при постановлении приговора ввиду от-

сутствия должного контроля со стороны председателя суда.

Однако в частном постановлении не указаны, какие именно положения закона нарушены председателем суда и не приведены данные, подтверждающие, что последним не организовывалось дополнительное профессиональное образование судей, не принимались меры к повышению их квалификации, и таким образом им нарушается закон. Настоящее частное постановление признано незаконным и необоснованным⁵.

Пленум Верховного Суда СССР от 29 сентября 1988 г. № 11 разъясняет, что обоснованность частного определения и постановления предполагает проверку всех материалов, полное, всестороннее и объективное исследование в судебном заседании всех обстоятельств, относящихся к причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления. В случае проверки таких материалов может возникнуть необходимость заслушать показания лиц, действия или бездействие которых способствовали совершению преступления, затребовать дополнительные материалы, назначить экспертизу, либо совершить иные процессуальные действия, а также разъясняются важнейшие требования, предъявляемые к частному определению и постановлению:

— обязательность указания, какие конкретно положения закона нарушены;

— определение должностного лица, допустившего те или иные нарушения, с приведением конкретных доказательств, подтверждающих выводы суда⁶.

Частное определение или постановление, как и любое другое судебное

³ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 05.04.2021 № 63-ФЗ) «О статусе судей в РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 г. по делу № 77-517/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. по делу № 77-59/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1988 г. № 11 «О практике вынесения судами частных определений (постановлений)» // СПС «КонсультантПлюс».

решение, выносится согласно общим условиям судебного разбирательства, а именно: определения или постановления, принятые в ходе судебного разбирательства, обязательно оглашаются участникам процесса.

Однако суды первой или апелляционной инстанций в протоколе судебного заседания не вносят сведения о вынесении частного определения или постановления и, соответственно, не объявляют об этом участникам процесса и не разъясняют порядок его обжалования⁷.

Аналогичные судебные ошибки допускаются при вынесении частных постановлений, адресованных руководству палаты адвокатов.

Например, Хабаровский краевой суд вынес частное постановление, которым обращается внимание президента палаты адвокатов Хабаровского края о допущенных адвокатом нарушениях требований закона, выразившихся в срыве без уважительной причины двух судебных заседаний ввиду недобросовестного отношения к своим профессиональным обязанностям.

Между тем выводы суда о том, что адвокату было известно об ознакомлении с материалами дела до конкретной даты и последний преднамеренно не явился в назначенное судебное заседание с целью затягивания производства по делу, не подтверждаются объективными данными и основаны

на предположениях. Согласно протоколу судебного заседания адвокат в ходе телефонного разговора сообщил председательствующему судье сведения о своем участии в этот день в следственных действиях по другому уголовному делу в службе судебных приставов. Эти же сведения подтверждаются представленной адвокатом справкой, подтверждающей участие адвоката в ранее запланированных следственных действиях по другому уголовному делу в службе судебных приставов.

Однако суд, не предприняв мер к проверке указанных сведений, высказался в частном постановлении об отсутствии у защитника уважительных причин для неявки в назначенное судебное заседание⁸.

Таким образом, выше проведен анализ решений судов апелляционной инстанции об отмене частных определений и постановлений, а также кассационных определений об отмене частных постановлений, вынесенных судами первой и апелляционной инстанций с ошибками толкования требований закона, выразившихся в том, что:

- не указываются конкретные обстоятельства, подтверждающие наличие нарушений требований закона, прав и законных интересов граждан, допущенных конкретным должностным лицом;
- неверно определяется адресат, т.е. должностное лицо, уполномоченное устранить указанные в частном определении или постановлении нарушения закона;
- не проводится надлежащая проверка доводов апелляционной жалобы о нарушении требований закона, предъявляемых частному определению или постановлению.

⁷ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2021 г. по делу № 77-538/2021 ; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2020 г. по делу № 77-78/2020 ; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2021 г. по делу № 77-3319/2021 ; кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2020 г. по делу № 77-90/2020 ; Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2020 г. по делу № 77-3151/2020. Судебная практика кассационных судов общей юрисдикции // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 августа 2021 г. по делу № 55-558/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-33-38

Уголовно-правовое понятие неоказания помощи больному

Озова Надежда Алексеевна,
адвокат Адвокатской палаты города Москвы,
член Центральной московской коллегии адвокатов,
кандидат юридических наук
0708ona@mail.ru

Статья-комментарий к уголовно-правовому содержанию неоказания помощи больному, раскрывающая основы квалификации данного преступления.

Ключевые слова: неоказание помощи больному, непосредственный объект, объективная сторона, специальный субъект, субъективная сторона неоказания помощи больному как уголовно-правового состава.

The Criminal Law Concept of a Failure to Render Assistance to a Sick Person

Nadezhda A. Ozova
Member of the Moscow Chamber of Lawyers
Member of the Central Moscow Bar Association
PhD (Law)

Article-commentary to the criminally-legal substance of failure to render medical aid to a patient, revealing the basics of qualifications of crime.

Keywords: non-rendering assistance to a patient, ingenuous object, objective side, special subject, subjective side of non-rendering aid to a patient as a criminal-legal structure.

Возвращаясь к обсуждаемой в предыдущих публикациях теме квалификации преступного неоказания помощи больному, считаем целесообразным более детально остановиться на таких обязательных признаках указанного состава, как его объективная и субъективная стороны. При этом, как уже ранее указывалось, полагаем правильным под непосредственным объектом данного преступления рассматривать общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека, а его дополнительным непосредственным объектом — надлежащий порядок осуществления медицинского обслуживания и предоставления своевременной и качественной медицинской помощи. В свою очередь, говоря о субъекте неоказания помощи больному предполагаем специальный субъект, т.е. лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и обязанное оказывать медицинскую помощь больным в соответствии с законом или специальными правилами.

Объективная сторона неоказания помощи больному как состава преступления, закрепленного ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ), выражается в бездействии, прямым следствием которого стало причинение здоровью больного среднего или тяжкого вреда или наступление его смерти. Как следствие, данный состав является материальным и считается оконченным преступлением с момента причинения здоровью больному как минимум вреда средней тяжести.

Обязательным условием наличия объективной стороны данного преступления является отсутствие уважительных причин такого бездействия, под которыми, в свою очередь, понимаются действия внешних факторов или посторонних лиц, препятствующих оказанию помощи посредством физического или психического принуждения (непреодо-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

лимая сила), необходимость одновременного оказания помощи нескольким больным, физическое состояние медицинского работника, не позволяющее ему оказывать медицинскую помощь, в том числе его психофизиологические свойства личности, отсутствие соответствующих медицинских приспособлений, лекарств и иных средств оказания такой помощи.

В юридической литературе высказывается мнение, что к уважительным причинам бездействия медицинского работника в контексте статьи 124 УК РФ следует также относить «некомпетентность медицинского работника (при условии, что им была оказана вся возможная первая медицинская помощь и предприняты меры для вызова соответствующего (профильного) специалиста или предприняты меры для профильной госпитализации) и отсутствие медицинского персонала при оказании плановой помощи»².

Однако, на наш взгляд, в первом случае будет иметь место так называемое частичное³ или смешанное бездействие⁴, которое, исходя из анализа конструкции составов УК РФ, подпадает под квалификацию иного уголовно-правового деяния, в частности под действие ч. 2 ст. 118 УК РФ.

Что касается признания «уважительным бездействием» неоказание помощи больному в связи с отсутствием у него медицинского персонала, то для решения данного вопроса прежде всего необходимо разобраться о виде медицинской помощи, которую подразумевает законодатель в рассматриваемой статье.

² Борисова С.А., Манзина М.П., Сендюкаева Н.Х., Тайболина С.Г., Шустикова И.Н. Комментарий к Федеральному закону от 22 июня 1998 г. № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2005.

³ См.: Новое уголовное право России. Особенная часть. М., 1996. С. 57.

⁴ См.: Новоселов В.П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. Новосибирск: Наука, 1998. С. 55.

Так, по смыслу ст. 41 Конституции Российской Федерации⁵ развитие государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения являются мерами, направленными на обеспечение конституционных прав граждан. Однако не все виды медицинской помощи в указанных медицинских учреждениях оказываются бесплатно. Приоритетом в данной области выступают те виды медицинской помощи, которые относятся к мерам срочного реагирования, направленным на сохранение жизни и здоровья населения. Именно поэтому представляется, что неоказанием помощи больному следует считать бездействие медицинского работника, выразившееся в непредоставлении больному срочной (неотложной) медицинской помощи.

Так, типичным примером подобного рода деяния медицинского работника следует считать следующий случай из судебной практики.

29 и 30 декабря 2010 г. К. П. СА. ездил в командировку в <...> и в дороге сильно замерз. К вечеру 1 января 2011 г. у него поднялась температура до 40 градусов, ему вызвали скорую помощь, врач которой по приезде измерила ему температуру, посмотрела горло, послушала легкие, при осмотре обнаружила увеличенный лимфоузел с левой стороны, поставила укол с анальгином и димедролом, велела принимать препараты от ОРВИ. После укола температура у К. П. СА снизилась до 38,5 градуса, но утром 2 января 2011 г. вновь поднялась до 40 градусов. Около 11 часов К. П. СА. вновь вызвали скорую помощь, но по телефону ответили, что выезжать не будут, и пояснили, как нужно самим поставить укол. К. П. СА. поставили уколы, но его состояние лучше не становилось, температура держалась, сильно болела голова, его бросало то в жар, то в холод. В 21 час родители

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

К. П. СА. сами привезли сына в инфекционное отделение Верхнесалдинской ЦГБ, ночью его перевели в реанимацию, но, несмотря на проводимые медицинские мероприятия, его состояние ухудшилось, и в состоянии комы в ночь на 7 января 2011 г. его увезли в больницу г. Екатеринбург, где 17 января 2011 г. он умер.

Нижнетагильским филиалом ООО СМК «Астрamed» была проведена проверка, по результатам которой было установлено, что, учитывая ухудшение в состоянии здоровья, К. П. СА. нуждался в повторном осмотре работниками скорой помощи 2 января 2011 г. для решения вопроса о госпитализации в инфекционную больницу в связи с тяжелым течением острой вирусной инфекции.

По факту смерти К. П. СА. в СО ММО МВД России «Верхнесалдинский» 26 сентября 2011 г. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ, в ходе расследования которого были проведены три судебно-медицинские экспертизы для разрешения вопросов о причинах смерти К. П. СА. и о наличии причинно-следственной связи между его смертью и действиями медицинских работников В. ЦГБ.

Комиссия экспертов пришла к выводу о том, что смерть К. П. СА. наступила от заболевания, вирусной инфекции с крайне тяжелым молниеносным течением. Также комиссия пришла к следующим выводам: на этапах оказания медицинской помощи К. П. СА. в действиях медицинских работников были допущены нарушения: при первичном вызове скорой медицинской помощи отмечена неполнота обследования; отказ от выезда бригады скорой помощи при повторном ее вызове в течение суток был необоснованным и др. Однако указанные нарушения в действиях медицинских работников с причиной смерти К. П. СА. состоят не в прямой, а в косвенной причинной связи, поэтому 16 ноября 2012 г.

органами внутренних дел вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁶ (далее — УПК РФ) за отсутствием в деянии состава преступления⁷.

С учетом изложенного представляется, что отсутствие у больного медицинского полиса не может являться уважительной причиной неоказания такому больному медицинской помощи.

Кроме того, приведенный пример судебной практики наглядно демонстрирует, что в случае отсутствия причинной связи между бездействием медицинского работника и наступившими вредными последствиями такое деяние не образует состава рассматриваемого преступления, как не должно образовывать и состава преступления по ст. 125 УК РФ.

Раскрывая уголовно-правовое понятие неоказания помощи больному, следует обратить внимание на то, что потерпевшим от преступления по ст. 124 УК РФ может быть не только больной человек, но и любое лицо, которое нуждалось в какой-либо медицинской помощи. В последнем случае определяющим моментом будет именно объективная нуждаемость лица в оказании ему медицинской помощи, а не его субъективное желание такую помощь получить (например, в случае обращения к медицинскому работнику с требованием оказания ему услуг пластической хирургии). То есть под объективной нуждаемостью понимается наличие реальной угрозы причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего при отсутствии своевременного медицинского вмешательства. Кроме того, в данном случае неважно,

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 5 октября 2016 г. по делу № 33-16886/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Архив решений судов общей юрисдикции.

обратилось ли лицо за оказанием ему медицинской помощи лично или за медицинской помощью для него обратились его родственники или иные лица, впервые последовало такое обращение или лицо уже находилось на амбулаторном или стационарном лечении либо такое обращение вообще отсутствовало в связи с нахождением лица в бессознательном состоянии.

С субъективной стороны неоказание помощи больному, на наш взгляд, характеризуется двойной формой вины: в форме прямого умысла к самому общественно опасному деянию — неоказанию помощи больному (т.е. виновный осознает, что без уважительных причин не оказывает помощь больному, и желает уклониться от ее оказания) и в форме легкомыслия или небрежности к общественно опасным последствиям — причинению вреда здоровью или смерти (т.е. субъект предвидит, что неоказание им помощи больному может повлечь последствия в виде наступления среднего вреда здоровью последнего, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает, что эти последствия не наступят или будут легкими, либо в виде небрежности, т.е. субъект не предвидит возможности наступления среднего вреда здоровью больного, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть). При этом заметим, что в силу специфичности рассматриваемого уголовно-правового состава количество совершенных данных деяний в виде преступной небрежности минимально, поскольку в таком случае, скорее всего, будет иметь место уважительная причина неоказания помощи больному, а именно недостаточная квалификация медицинского работника, не позволившая ему определить необходимость оказания больному медицинской помощи («врачебная ошибка», наличие которой в деянии не образует состава преступления).

Указанной точки зрения придерживается и ряд других исследователей⁸. По такому пути идет и судебная практика.

Так, постановлением Октябрьского районного суда г. Пензы от 25 марта 2020 г. на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и ст. 78 УК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования прекращено уголовное дело в отношении врача — эндоскописта поликлиники, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Апелляционным постановлением Пензенского областного суда от 25 июня 2020 г. указанное постановление оставлено без изменения.

При этом обстоятельства дела сводились к следующему: врач — эндоскопист поликлиники причинил гражданину смерть вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей в ходе проведения эзофагогастродуоденоскопии.

Оспаривая состоявшиеся судебные акты, потерпевшие утверждали, что данная органами предварительного следствия квалификация действий медицинского работника по ч. 2 ст. 109 УК РФ необоснованна, поскольку фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что в его действиях содержатся признаки составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 124, 111, 293 УК РФ.

Суд кассационной инстанции с доводами потерпевших не согласился, указав в соответствующем определении от 18 марта 2021 г., что судом установлено: подсудимый, являясь врачом — эндоско-

⁸ См., например, Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Юрист, 1997. 496 с.; Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М.: Спарк, 1998. 495 с.; Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебн. / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с.; Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (13-е издание, перераб. и доп.). М.: Юрайт, 2013. 1069 с.

пистом поликлиники, в ходе проведения 14 февраля 2018 г. эзофагогастродуоденоскопии нарушил положения приказа Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 222 «О совершенствовании службы эндоскопии в учреждениях здравоохранения Российской Федерации», ненадлежащим образом исполнил свои профессиональные обязанности, грубо, действуя небрежно, т.е. не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий, причинил своими действиями телесные повреждения пациентке в виде перфорации полого органа. В результате ненадлежащего исполнения врачом своих профессиональных обязанностей пациентка скончалась 17 апреля 2018 г. от заднего тотального медиастинита после перфорации пищевода с осложнением в виде аррозивного кровотечения в средостении на фоне выраженного истощения, что правильно квалифицировано по ч. 2 ст. 109 УК РФ⁹.

Аналогичную позицию занял и Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в ответ на жалобу потерпевшей, высказавшей несогласие с квалификацией действий осужденной Триль по ст. 109 УК РФ и считавшей, что ее действия должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 124 УК РФ. Потерпевшая указала, что именно Триль не оказала медицинскую помощь пострадавшему.

При этом суд кассационной инстанции указал, что выводы суда о виновности осужденной Триль в совершении инкриминируемого преступления подтверждаются собранными по делу доказательствами в их совокупности, исследованными в ходе судебного рассмотрения дела, в том числе показаниями потерпевшей, которая указала, что пострадавший является ее родным братом и считает, что его смерть наступила

из-за не оказанной ему помощи врачом, показаниями свидетеля обвинения, согласно которым у пострадавшего перед доставлением его в приемное отделение был конфликт, в результате которого ему было нанесено несколько ударов в область головы, показаниями других свидетелей, являющихся сотрудниками полиции, которые обнаружили в парке им. Поддубного, около музея, гражданина, который находился без сознания, и показаниями врача бригады скорой помощи, об обстоятельствах выезда на место нахождения пострадавшего для оказания медицинской помощи и доставления того в больницу.

Судебная коллегия нашла несостоятельным довод кассационной жалобы о неверной квалификации действий осужденной Триль по ч. 2 ст. 109 УК РФ и необходимости квалификации ее действий по ч. 2 ст. 124 УК РФ, так как вся совокупность доказательств, в том числе письменных, содержание которых отражено в приговоре, подтверждает, что Триль причинила смерть по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей¹⁰.

Таким образом, в обоих случаях суды руководствовались наличием опосредованной причинно-следственной связи между ненадлежащим исполнением врачами своих профессиональных обязанностей и наступившей смертью потерпевших, что, безусловно, предварительно было установлено заключениями экспертов.

То есть отсутствие уважительных причин как обязательного признака состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, само по себе не свидетельствует о том, что всякого рода врачебная оценка в диагностировании заболевания больного является достаточным

⁹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 марта 2021 г. № 77-804/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Архив решений судов общей юрисдикции.

¹⁰ См.: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2021 г. № 77-1306/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Архив решений судов общей юрисдикции.

основанием для уголовного преследования медицинского работника по данной статье.

По смыслу закона ненадлежащее оказание помощи больному медицинским работником при отсутствии умысла (ввиду неправильной оценки состояния здоровья, ошибки в диагнозе и т.д.), не может служить основанием для привлечения к ответственности по данной статье, но может служить основанием для привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ при наличии неосторожной вины и причинной связи между ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей и наступившими последствиями в виде причинения смерти¹¹.

Но существует и другая точка зрения. Так, некоторые ученые (в их числе Чучаев А.И.¹², Цыганова О.А.,

Ившин И.В.¹³ и др.) полагают, что субъективная сторона неоказания помощи больному предполагает исключительно единую неосторожную форму вины. Однако, как наглядно показывают приведенные примеры из судебной практики, подобная трактовка субъективной стороны рассматриваемого преступления необоснованно ставит под сомнение целесообразность введения законодателем в новый УК РФ ч. 2 и 3 ст. 109 — «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» и «Причинение смерти по неосторожности двум или более лицам» соответственно, а также ч. 2 ст. 118 — «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»¹⁴.

¹¹ См.: Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 17 июня 2015 г. № 22-1180/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Архив решений судов общей юрисдикции.

¹² Малиновский В.В., Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный). М.: КОНТРАКТ, 2011. 1040 с.

¹³ Цыганова О.А., Ившин И.В. Неоказание помощи больному: теоретические аспекты и правоприменительная практика // Медицинское право. 2014. № 6. С. 26–32.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Борисова С.А. Комментарий к Федеральному закону от 22 июня 1998 г. № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» (постатейный) / С.А. Борисова, М.П. Манзина, Н.Х. Сендюкаева [и др.] // СПС «КонсультантПлюс», 2005.
2. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013. 1069 с.
3. Малиновский В.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / В.В. Малиновский, А.И. Чучаев. Москва: Контракт, 2011. 1040 с.
4. Новое уголовное право России. Особенная часть: учебное пособие / под редакцией Н.Ф. Кузнецовой. Москва: Зерцало: ТЕИС, 1996. 391 с.
5. Новоселов В.П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения / В.П. Новоселов. Новосибирск: Наука, 1998. 312 с.
6. Российское уголовное право. Особенная часть / под редакцией В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. Москва: Юристъ, 1997. 496 с.
7. Российское уголовное право. Особенная часть / под редакцией М.П. Журавлева, С.И. Никулина. Москва: Спарк, 1998. 495 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под редакцией А.И. Чучаева. Москва: Контракт, ИНФРА-М, 2013. 704 с.
9. Цыганова О.А. Неоказание помощи больному: теоретические аспекты и правоприменительная практика / О.А. Цыганова, И.В. Ившин // Медицинское право. 2014. № 6. С. 26–32.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-39-44

Взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации как высших органов судебной власти в РФ

Рябцева Екатерина Владимировна,
доцент кафедры теории права, государства и судебной власти,
кандидат юридических наук, доцент
rev020680@mail.ru

В статье раскрываются особенности взаимодействия высших судов Российской Федерации — Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Определены основные направления такого взаимодействия для обеспечения единообразной правоприменительной практики. Рассмотрено важное полномочие Верховного Суда РФ по обращению в Конституционный Суд РФ, реализация которого направлена на преодоление судами иерархических коллизий в праве. Проанализированы нормы федеральных законов, отдельные ключевые постановления Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых показано взаимодействие высших судебных органов. Проведен теоретический анализ различных точек зрения, определяющих сущность правовых позиций высших судебных органов: как результат толкования правовых норм как источники права; как мнения высших судебных органов. Обосновано рассмотрение позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ как мнение, выводы судов по конкретным вопросам, отнесенным к их компетенции. Проведены статистический обзор по проверке Конституционным Судом РФ разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также анализ решений Конституционного Суда РФ, в которых для обоснования позиции приводятся положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: высшие судебные органы, правовые позиции, запросы, постановления, Пленум Верховного Суда РФ, Конституционный Суд РФ.

The Interaction between the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation as Supreme Judicial Authorities in the Russian Federation

Ekaterina V. Ryabtseva
Associate Professor of the Department of Theory of Law, State and the Judiciary
PhD (Law), Associate Professor

The article reveals the features of interaction between the highest courts of the Russian Federation — the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The main directions of such interaction are determined to ensure uniform law enforcement practice. The important authority of the Supreme Court of the Russian Federation to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation, the implementation of which is aimed at overcoming hierarchical conflicts in law by the courts, is considered. The norms of federal laws, certain key decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which show the interaction of the highest judicial bodies, are analyzed. A theoretical analysis of various points of view that determine the essence of the legal positions of the highest judicial bodies has been carried out: as a result of the interpretation of legal norms as sources of law; as the opinions of the highest judiciary. The consideration of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation as an opinion, the conclusions of the courts on specific issues within their competence is substantiated. A statistical review was carried out on the verification by the Constitutional Court of the Russian Federation of the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as an analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, in which the provisions of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are cited to substantiate the position.

Keywords: supreme judicial bodies, legal positions, requests, resolutions, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation.

На конституционном уровне закреплено создание и функционирование двух высших судебных органа: Верховного

Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) и Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ).

В аспекте единства судебной власти их взаимодействие является важным и определяет основные направления развития правоприменительной практики.

Председателем ВС РФ В.М. Лебедевым отмечено, что для обеспечения единства судебной практики необходимо обеспечить эффективное взаимодействие КС РФ с ВС РФ¹.

Такое взаимодействие определено прежде всего на конституционном уровне. КС РФ по запросам ВС РФ разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации² (ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, далее — Конституция РФ); КС РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ).

Аналогичные нормы содержатся в федеральных законах, регламентирующих деятельность ВС РФ (подп. 2 п. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»³) и КС РФ (п. 1, п. 3.2, п. 3.3 ст. 3 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴).

Необходимо обратить внимание, что КС РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность не только законов, но и постановлений Пленума

ВС РФ, разъясняющих нормы обжалуемого закона. С 2009 по 2021 г. КС РФ было рассмотрено девять жалоб на постановления Пленума ВС РФ⁵.

В процессе правоприменительной практики формируются правовые позиции высших судебных органов. Изначально практика выработки правовых позиций была заложена еще в советский период времени. Первые позиции были определены практикой Верховного суда СССР. Следует отметить, что они носили противоречивый характер и часто менялись⁶. Председатель Комитета конституционного надзора СССР С.С. Алексеев, также не затрагивая вопрос о природе позиций судов, лишь в общем виде использовал «устоявшееся» понятие «правовые позиции». Он отмечал, что решения, по сути, определяют правовые позиции, которые формируют контуры будущего законодательства, а последние, в свою очередь, обусловлены международными принципами защиты прав человека⁷.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в теории сложились три точки зрения относительно сущности «правовых позиций» суда. Большинство ученых и практиков рассматривают «правовые позиции судов» с точки зрения толкования права. Так, по мнению С.Г. Пишиной, высшие судебные органы должны разъяснять правоприменителю особенности правовой интерпретации. Без таких разъяснений трудно будет истолковать правовую норму и принимать законное решение, которое впоследствии не будет отменено. Если высшие судебные органы, вырабатывая прецеденты, не будут раскрывать истинного толкования рассматриваемых правовых норм, то осуществление прин-

¹ Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: РГУП, 2000. С. 105.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Решения Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005. С. 145–155.

⁷ Цит. по Митюков М.А. Кризис конституционного надзора // На пути к конституционному правосудию (1986–1991 гг. противоборство альтернатив: конституционный надзор или конституционный суд). С. 46.

ципа единообразия судебной практики станет невозможным⁸. Г.А. Гаджиев подразделяет правовые позиции на позиции, которые сформировались в результате толкования норм Конституции РФ и позиции конституционного толкования нормативных актов⁹.

М.С. Саликов полагает, что правовые позиции следует дифференцировать на те, которые вырабатываются в процессе толкования положений Конституции РФ в результате разрешения споров о компетенции и посредством проверки конституционности нормативных актов и договоров¹⁰.

В.В. Бриксов выделяет основные правовые позиции КС РФ, которые представляют собой мотивированные выводы о конституционности либо неконституционности объектов судебного конституционного контроля. При этом такие выводы необоснованно относить к интерпретации тех или иных норм¹¹.

Некоторые ученые относят «правовые позиции судов» к «источникам права». Например, В.Д. Зорькин считает, что Конституционный Суд обладает правотворческой компетенцией. Следовательно, по его мнению, решения приобретают характер прецедента, поэтому становятся источниками права. Аргументируя свою точку зрения, В.Д. Зорькин приводил слова одного из американских судей о том, что конституция — это то, что о ней говорят сами судьи, поэтому любое толкование высшего закона страны, которое дается Конституционным Судом в его правовых позициях, имеет

конституционную силу. Более того, по мнению В.Д. Зорькина, Конституционный Суд в процессе конституционного толкования выявляет не только «букву», но и «дух» тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития, для того чтобы было возможно ее применение к конкретным правоотношениям («живое право», «живая Конституция») ¹². Характерно, что, выступая 6 декабря 2016 г. на IX Всероссийском съезде судей, он высказал несколько другую точку зрения, определяя суд не как правотворческий, а как правоприменительный орган¹³.

М.В. Глоба полагает, что судебные решения ВС РФ и КС РФ являются источником права в России, поскольку они обладают особой правовой природой, занимают центральное место в механизме правового регулирования¹⁴.

По мнению Г.С. Азнагулова, главную роль в судебной практике всегда играют разъяснения высших судебных органов. При рассмотрении уголовных, гражданских, административных и иных категорий дел, подсудных судам общей юрисдикции, таким высшим судебным органом является ВС РФ¹⁵.

Как отмечается в юридической литературе, с одной стороны разъяснения Пленумов часто используются при разработке законопроектов, с другой — они обязательны для применения вне зависимости от того, нашли ли закрепление в законе. На практике может сложиться ситуация, что при рассмотрении судом конкретного дела им может быть обнаружено несоответствие подлежащего

⁸ Пишина С.Г. Проблемы определения критерия истинности толкования правовых норм как элемента правоинтерпретационной техники // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 92.

⁹ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. № 3. С. 8.

¹⁰ Конституционный судебный процесс : учебн. для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. М. : Норма, 2003. С. 179.

¹¹ Бриксов В.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как критерии конституционности объектов контроля // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 3. С. 189.

¹² Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4, 5.

¹³ Ершов В.В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : Изд-во РГУП, 2020. С. 361–374.

¹⁴ Глоба М.В. Правовые позиции высших судебных органов России: теоретико-правовой анализ // Интерактивная наука. 2021. № 7 (62). С. 38–39 ; Глоба М.В. К вопросу о природе правовых позиций высших судов России // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 7. С. 56–57.

¹⁵ Азнагулов Г.С. Прецедентный характер решений высших судебных органов в России // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 6. С. 52–56.

применению закона или подзаконного нормативного акта Конституции РФ. В таком случае, как указано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений ст.ст. 25, 126 и 127 Конституции Российской Федерации», суд не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в КС РФ с запросом о проверке конституционности этого закона¹⁶.

Наряду с разъяснениями, касающимися применения тех или иных нормативных правовых актов при рассмотрении конкретных уголовных, гражданских и административных дел, в большинстве постановлений Пленума Верховного Суда изложены рекомендации соответствующим судам.

На основании изложенных аргументов ученые, относящие разъяснения высших судебных органов к источникам права, делают спорный вывод о том, что судебная практика может отменять несоответствующие закону нормативные акты, а также что при разрешении конкретных споров такие разъяснения подлежат применению как источник российского права наравне с законами и подзаконными нормативными актами. Решения КС РФ и Пленумов ВС РФ обязательны для всех органов власти, граждан и должностных лиц и служат образцом для будущих судебных решений¹⁷. Ученые также обращают внимание на формирование в правовой системе России судебного прецедента с момента их официального опубликования¹⁸.

По мнению В.И. Анигиной, акты, принимаемые судами в результате рассмотрения конкретных дел с использованием процедур правотворческого характера, обладают определенными особенностями, которые позволяют их относить к источникам права. К таким особенностям она относит: казуальный характер разъ-

яснений, поскольку вырабатывают новое правовое положение, посредством которого применяется иной подход к разрешению конкретной практической ситуации; осуществляются в рамках полномочий суда, закрепленных в законе; обеспечивают правовое регулирование общественных отношений; по сути, представляют собой правило, поскольку имеют признак повторяемости и неоднократности; инициатором формирования таких позиций является не суд, а заинтересованные лица; принимаются в связи с отсутствием четкого правового регулирования отдельных спорных ситуаций¹⁹.

Другая точка зрения связана с обоснованием сущности «правовых позиций судов» как мнения, выводов судов по конкретным вопросам, относящимся к их компетенции. В.В. Ершов обоснованно считает, что позиции судов — это выводы, мнения, точки зрения, судов и так далее по каким-либо вопросам, связанным с его компетенцией, относящиеся к разновидности неправа (*ungerecht*); результаты деятельности судов, образовавшиеся, во-первых, при осуществлении правосудия и вынесении индивидуальных судебных актов; во-вторых, не связанные с отправлением правосудия, а наступившие в результате, например, принятия Постановлений Пленумов ВС РФ²⁰.

Правовая позиция ВС РФ, как пишет И.В. Шульга, — это определенная логическая последовательность выводов, которая представляет собой систему, выработанную на основании общих подходов, которые определяют мнение высшей судебной инстанции о должном понимании и применении судами правовых норм в процессе осуществления правосудия по гражданским, уголовным и административным делам²¹. По мнению

¹⁶ СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

¹⁷ Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России. Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 102.

¹⁸ Смоленский М.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). Ростов н/Д. : Феникс, 2012. 345 с.

¹⁹ Анигина В.И. Правовая природа актов судебного правотворчества: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 13–18.

²⁰ Ершов В.В. Указ. соч. С. 361–374.

²¹ Шульга И.В. Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации как разновидность судебных правовых позиций // Рос. правосудие. 2009. № 10 (42). С. 33.

Н.А. Власенко, под правовой позицией суда следует понимать акт, представляющий собой текст, в котором системно изложены выводы судебной инстанции или конкретного судьи относительно применения той или иной юридической нормы (норм)²².

Пленум ВС РФ 31 октября 1995 г. принял важнейшее постановление № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в п. 2 которого указано, что судам при рассмотрении дел следует применять Конституцию РФ как акт прямого действия при оценке содержания как закона, так и подзаконного нормативного акта²³. Необходимо обратить внимание также на п. 3 данного постановления Пленума ВС РФ, в котором указано, что в случае, когда суд не может сделать обоснованный вывод относительно соответствия Конституции РФ закона, подлежащего применению по конкретному делу, то суд общей юрисдикции или арбитражный суд обращаются в КС РФ с соответствующим запросом о конституционности этого закона.

Важное значение для правоприменительной практики судов получило Постановление КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»²⁴, которое относит ВС РФ к субъектам обращения в КС РФ с запросами о проверке (вне связи с рассмотрением конкретного дела, т.е. в порядке абстрактного нормоконтроля) конституционности нормативных актов, перечисленных в пунктах «а» и «б» ч. 2 данной статьи. Кроме того, согласно ее ч. 4 КС РФ по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле.

Таким образом, анализ полномочий ВС РФ по обращению в КС РФ с соответствующими запросами о проверке

конституционности закона или подзаконного нормативного акта не влечет их признания неконституционными и не является основанием для утраты их юридической силы.

Более того, исключение неконституционного закона из системы правовых актов не может быть достигнуто ни путем разрешения дел в порядке гражданского, административного или уголовного судопроизводства, ни путем разъяснений по вопросам судебной практики, которые в соответствии со ст. 126 и 127 Конституции РФ дают Пленумы ВС РФ. Последние не вправе определять какой-либо иной порядок обеспечения непосредственного применения Конституции РФ при разрешении конкретных дел, чем предусмотренный ею, а также федеральным конституционным законом (п. 5).

Таким образом, реализация полномочий ВС РФ по обращению в КС РФ и рассмотрение последним подобных обращений направлены на преодоление судами коллизий в праве.

Следует отметить, что при формировании своих позиций КС РФ в своих решениях ссылается на разъяснения Пленума ВС РФ. Например, в определении КС РФ от 28 декабря 2021 г. № 2714-О/2021 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черепанова Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 17, частью пятой статьи 33, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации» при обосновании своей позиции указано не только на собственные решения, но и на постановление Пленума ВС РФ, разъясняющее нормы правоприменительной практики (п. 2). С 1993 по 2021 г. КС РФ в обосновании своей правовой позиции в 133 решениях ссылался на разъяснения Пленума ВС РФ²⁵.

Выработка правовых позиций ВС РФ и КС РФ является эффективной и оперативной защитой прав и правовых

²² Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2011. С. 273.

²³ Российская газета. 1995. 28 декабря.

²⁴ URL: <http://www.constitution.ru/decisions/12011948/12011948.htm>

²⁵ Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>

интересов физических и юридических лиц, направленной на обеспечение гарантий соблюдения разумных сроков судопроизводства, оптимизацию применения в судах общей юрисдикции и арбитражных судах соответствующих основополагающих (общих) принципов и норм права, закрепленных в Кон-

ституции РФ, а также неприменение специальных принципов и норм права, установленных в иных национальных правовых актах, правовых договорах и обычаях права, действующих, но тем не менее не соответствующих конституционным принципам и нормам права.

Литература

1. Азнагулов Г.С. Прецедентный характер решений высших судебных органов в России / Г.С. Азнагулов // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 6. С. 52–56.
2. Анишина В.И. Правовая природа актов судебного правотворчества: вопросы теории и практики / В.И. Анишина // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 13–18.
3. Брикс В.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как критерии конституционности объектов контроля / В.В. Брикс // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 3 (40). С. 188–193.
4. Власенко Н.А. Теория государства и права / Н.А. Власенко. Москва : Проспект, 2011. 416 с.
5. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Г.А. Гаджиев // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. № 3. С. 8.
6. Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России / Г.А. Гаджиев // Судебная практика как источник права. Москва : Юристъ, 2000. С. 98–106.
7. Глоба М.В. К вопросу о природе правовых позиций высших судов России / М.В. Глоба // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 7. С. 56–57.
8. Глоба М.В. Правовые позиции высших судебных органов России: теоретико-правовой анализ / М.В. Глоба // Интерактивная наука. 2021. № 7 (62). С. 38–39.
9. Ершов В.В. Регулирование правоотношений : монография / В.В. Ершов. Москва : Издательство РГУП, 2020. 564 с.
10. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4–5.
11. Конституционный судебный процесс : учебник для вузов / ответственный редактор М.С. Саликов. Москва : Норма, 2003. 405 с.
12. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации / В.М. Лебедев. Москва : РГУП, 2000. 400 с.
13. Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики / М.А. Митюков. Москва : Формула права, 2005. 203 с.
14. Пишина С.Г. Проблемы определения критерия истинности толкования правовых норм как элемента правоинтерпретационной техники / С.Г. Пишина // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 89–92.
15. Смоленский М.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / М.Б. Смоленский. Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. 345 с.
16. Шульга И.В. Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации как разновидность судебных правовых позиций / И.В. Шульга // Российское правосудие. 2009. № 10 (42). С. 27–33.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-45-49

Некоторые особенности судебного усмотрения в РФ

Манохин Виталий Сергеевич,

ассистент кафедры финансового права и таможенной деятельности
Юридического института Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов
vitalijmanohin@yandex.ru

В статье анализируются теоретические и практические особенности судебного усмотрения в российской правовой системе. Принадлежность к романо-германской правовой традиции опосредует общее отрицание такого явления, как судебное усмотрение, так как судья рассматривается в качестве правоприменителя существующего законодательства. В результате отрицается и любая возможность разночтений и альтернатив: нормы применяются как сказано. Подобный подход невозможен в условиях общества, которое стремительно развивается и трансформируется, поэтому судебное усмотрение должно рассматриваться как необходимый элемент адаптации закона к жизни.

Ключевые слова: судебное усмотрение, толкование норм, судебское правотворчество, добросовестность.

Some Peculiarities of Judicial Discretion in the Russian Federation

Vitaly S. Manokhin

Teaching Assistant of the Department of Financial Law and Customs
of the Law Institute of the Vladimir State University
Attorney at the Inter-Republican Bar Association

The article analyzes theoretical and practical peculiarities of judicial discretion in the Russian legal system. Belonging to the Romano-Germanic legal tradition mediates a general denial of such phenomenon as judicial discretion as a judge is viewed as an enforcer of the applicable laws. This results in the denial of any opportunity of divergence in interpretation and alternatives: provisions are applied as provided for. Such approach is impossible in the conditions of a rapidly developing and transforming society, that is why judicial discretion should be viewed as a required element of adaptation of the law to life.

Keywords: judicial discretion, interpretation of provisions, judicial law-making, good faith.

Право охватывает большой массив общественной жизни, что создает определенные трудности при попытке максимально урегулировать или стандартизировать его в форме закона. Помимо уже существующих общественных отношений, регулярно поднимается вопрос о регламентации различных новых явлений, которые выходят за рамки установленных в законе. В таком случае именно судебное усмотрение позволяет праву быть актуальным в условиях высокого динамизма социальных сфер. Правоприменителю предоставлено правомочие при определенных условиях действовать по своему усмотрению и, исходя из фундаментальных правовых основ и принципов, разрешать ситуацию самостоятельно. Преимущественно это право предоставлено именно судьям.

Объективно судебное усмотрение — это постоянный инструмент любого судьи, так как в своей практике он регулярно сталкивается с различными ситуациями, у которых несколько путей

решения¹. Поэтому каждый делает выбор исходя из внутреннего убеждения, установления и взглядов. Объем усмотрения напрямую зависит от демократичности общества, авторитета судебной власти и общего доверия граждан к судебскому корпусу. Честность и справедливость — важные аспекты, без которых судебное усмотрение будет выступать в качестве инструмента злоупотребления.

Расширение сферы применения судебного усмотрения зависит от объема пробелов в праве, коллизий, неточностей, а также иных неправовых условий (например, уровень и скорость технического развития, отмирания старых экономических отношений и формирование новых и т.д.).

Стоит изначально разграничить применяемые в юридической доктрине близкие понятия «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение».

¹ Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 14.

П.А. Гук, рассматривая данные понятия, отмечает, что термин «судебное» применяется, когда речь идет о деятельности, осуществляемой не только судьей, но и всем аппаратом суда, таким образом расширяя субъектный состав усмотрения. «Судейское» в свою очередь, характеризует лишь деятельность конкретного судьи при осуществлении своих полномочий². Таким образом, можно сделать два вывода: во-первых, судебное или судейское усмотрение возможно только в процессе отправления правосудия; во-вторых, учитывая вышеописанное, можно сказать о том, что именно суд осуществляет данную функцию, и поэтому некорректно говорить об усмотрении аппарата суда, которые занимается лишь обеспечением деятельности и не может напрямую выносить решения.

В результате мы делаем вывод о равенстве понятий «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение», так как существенные отличия, связанные с субъектным составом, невозможны, а напрямую отправление правосудия занимается непосредственно суд. При этом такая деятельность крайне близка к понятию нормотворчества и считается его особой формой³.

О.А. Папкина считает, что под судейским усмотрением понимается установленная законодательством и облеченная в процессуальную форму деятельность суда, заключающаяся в определении возможного варианта решения дела при наличии двойственности в толковании и применении норм права⁴.

К.П. Ермакова рассматривает судебное усмотрение как правомочие суда по определению наиболее целесообразного варианта разрешения дела, исходя из представленных альтернатив⁵.

А. Барак понимает усмотрение как установленное законом право лица, наделенного властью, определить из представленных законодательных альтернатив наиболее справедливый вариант⁶.

² Гук П.А. Судебная практика Верховного Суда РФ: актуальность применения // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 2. С. 45.

³ Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. М., 2009. С. 79–84.

⁴ Папкина О.А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 39.

⁵ Ермакова К.П. Понятие и субъективные пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2009. № 8 (152). С. 98.

⁶ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13.

Е.В. Васильковский писал о судебном усмотрении, что никакие законодательные попытки создать четкие правила не могут создать идеальные нормы, подходящие подо все правила поведения. В результате суд, который не может установить точно применимую норму или получить пояснения от законодателя, самостоятельно, с применением всех средств и приемов толкования, формирует решение конкретной ситуации. При этом стоит отметить, что необходимо наличие объективной двойственности, созданной из неточности применимой нормы или наличия неоднородного толкования, закрепленного постановлением законодательного органа. В результате суд отправляет правосудия исходя из наиболее благоприятного и справедливого ответа на сложившуюся ситуацию⁷.

Правоприменительная деятельность суда напрямую зависит от судебного усмотрения. Связано это с тем, что из законодательства невозможно убрать категории, не имеющие четкой границы применения. Так, в гражданском законодательстве такими можно считать добросовестность, справедливость, свобода договора, разумность срока и т.д. Раскрытие и применение данных понятий зависят от конкретных обстоятельств и от внутренних суждений самого судьи. Помимо «каучуковых» норм, существуют и статьи, устанавливающие верхнюю и нижнюю границу судебного решения (чаще всего подобное существует в публичном процессе, однако и в частном присутствует). Можно привести в пример взыскания морального вреда, размер которого судья уполномочен снизить, если посчитает его завышенным.

Анализ вышеописанных доктринальных подходов свидетельствует о том, что ученые-юристы смещают акцент со свободного выбора на выбор из нескольких представленных альтернатив либо представленное законном правомочие.

Также стоит отметить, что в юридической доктрине отсутствует единый подход к определению судебного усмотрения. На основании представленных позиций можно также выделить основные характеристики данного явления:

1) осуществление только судьей, т.е. лицом, наделенным властью и способно-

⁷ Берг Л.Н. Указ. соч. С. 12.

стью разрешать дела (отправлять правосудие);

2) свобода заключается в выборе наиболее справедливой нормы права, закрепленной законодательно, т.е. даже если судья формирует новую норму, она в любом случае должна иметь законодательную основу;

3) судебное усмотрение ограничено правомочиями судьи, т.е. без прямого указания закона сам он не может на основании внутренних суждений применить норму, которую считает правильной. Должно быть обязательное законодательное закрепление правомочия.

В результате судебное усмотрение — это осуществляемое судьей правомочие по избранию наиболее эффективного варианта нормы права для разрешения конкретной ситуации при наличии правового пробела, коллизии или законодательной неопределенности.

Судебное усмотрение возможно только в рамках судопроизводства, оно не имеет досудебной природы и реализуется лишь на итоговой стадии рассмотрения дела. При этом его пределы законодательно закреплены с целью недопущения возникновения злоупотреблений. Итогом усмотрения становится судебный акт, который поясняет мотивы суда и в дальнейшем может использоваться в формировании законодательства.

Расширяя аргумент, связанный с формированием судебной практики, стоит отметить, что усмотрение выступает своеобразным судебным нормотворчеством. Толкование нормы права судьей позволяет предотвратить возможное искажение практики, связанное с неправильной интерпретацией, и сформировать необходимую верную позицию, позволяющую справедливо рассматривать дела. В результате можно сделать вывод о том, что правовая позиция и судебная практика — производные от судебного усмотрения, понятия, являющиеся скорее его формой⁸.

М.В. Баглай считает, что судебное усмотрение, есть не что иное, как разновидность правотворчества, когда уполномоченный закононом орган из представленных ему возможных вариантов

поведения выбирает единственный, тем самым создавая новое право⁹. Данный подход реализуется максимально в странах англосаксонской правовой системы, где официально закреплен правовой прецедент.

Судебное усмотрение в странах романо-германской правовой системы возможно только в случае наличия управомочивающей нормы. Усмотрение не осуществляется по аналогии права или закона в уголовной сфере, так как там невозможно вольное толкование понятий, в связи с публичным характером обвинения. Судебный прецедент и практика официально не закрепляются в качестве источников права, тем не менее невозможно их полное игнорирование, так как существует принцип единообразия. Однако в любом случае прецедент может выступать как необязательный довод для судьи, который вправе не применять его к конкретной ситуации.

В результате анализа вышеприведенных позиций можно сделать вывод о существовании четырех разновидностей усмотрения.

1. Судейское усмотрение, возникающее на основании относительно определенных норм.

2. Судейское усмотрение, возникающее на основании аналогии права и закона.

3. Судейское усмотрение, возникающее на основании оценочных правовых понятий.

4. Судейское усмотрение, возникающее на основании коллизионных норм.

Данная классификация позволяет универсально закрепить способы возникновения усмотрения, а также источники их дальнейшего повторного применения для дальнейшего развития права.

Несмотря на большую роль судебного усмотрения в правовой системе, часть правоведов отрицательно отзывалась даже о самой возможности существования судебного усмотрения. Они рассматривают право как систему определенных правил поведения, которые позволяют решить любую возникающую проблему одним-единственным способом. Судья не может и не должен создавать новые нормы права, так как он является лишь

⁸ Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики : моногр. М. : Юрист, 2013. С. 83.

⁹ Барак А. Указ. соч. С. 25.

прямым правоприменителем, его обязанность — толковать уже сформированные правила поведения¹⁰. По нашему мнению, это слишком упрощенный взгляд на право и правовую систему в целом, так как он рассматривает все нормы как идеальные конструкции, которые содержат всевозможные варианты поведения. На практике такое невозможно, так как право работает в обществе, на которое воздействует множество различных факторов, тем самым отрицая саму возможность существования идеальных конструкций. Уже на стадии принятия законов возникают проблемы с юридической техникой, системой оценки законопроектов, различных лоббистских групп. Общественная реальность не существует в вакууме и требует наличия гибкости.

Основным аргументом противников усмотрения является возникновение судебного произвола. То есть суд становится единоличным абсолютным правоприменителем, который самостоятельно решает дела лишь на основе своего убеждения. Однако это далеко не так, ведь усмотрение невозможно без прямого указания закона. При этом суд должен обязательно мотивировать свое мнение в решении и высказываться по каждому доводу сторон, чтобы вышестоящие суды не отменили несправедливое решение.

Уголовный кодекс Российской Федерации¹¹ содержит даже специальный состав преступления — вынесение заведомо неправосудного решения (ст. 305).

Как пример можно указать ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹² как легально закрепленную возможность применения усмотрения в форме аналогии в случае отсутствия закона или конкретной нормы. Причем сфера применения данной статьи очень сильно сужена.

Однако стоит признать, что применение судебного усмотрения действительно

не лишено проблем. Так, принцип добросовестности подвергается существенному изменению и вместо характеризующей роли становится инструментом характеристики общества судом. В результате судебные органы становятся субъектами, формирующими моральные устои социума, и определяют нравственное или безнравственное поведение, хотя должны решать дело исходя из сухой буквы закона.

Сложнее всего при рассмотрении добросовестности преодолеть конкуренцию позитивного и естественного права, когда с одной стороны закон, а с другой — общественные ценности и идеалы.

В российской судебной практике были выработаны практические примеры применения данного принципа, которые сформировались за счет активного судебного усмотрения.

Например, арбитражный суд может посчитать сторону недобросовестной в ситуации, когда бенефициар повторно требует от гаранта осуществления оплаты, если гарант ссылается на ранее исполненное обязательство¹³. Описанная ситуация не является однозначно злоупотреблением, так как имеет законодательное закрепление в п. 2 ст. 376 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁴. Однако арбитражный суд, исходя из действий сторон при рассмотрении конкретного дела, имеет права препятствовать злоупотреблению, опираясь на принципы добросовестности и справедливости.

Другим примером можно считать добросовестность приобретателя, критерии которого были разработаны и закреплены совместным Постановлением пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10 и Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с

¹⁰ Винаркевич И.Р. Допустимые пределы судебного усмотрения // Экономический лабиринт. Дальневосточный экономико-правовой журнал. 2002. № 11. С. 18.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 3. С. 12.

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

защитой права собственности и других вещных прав»¹⁵.

Отдельно необходимо отметить уровень правосознания работников аппарата судов как лиц, в наибольшей степени близких к судьям и обеспечивающих их деятельность. Они выступают как необходимый структурный элемент судебной системы, и поэтому уровень их правовой культуры также должен не уступать судейскому корпусу, который всевозможными способами обязан их поддерживать. У этих людей должна быть крепкая связь с судьей, у которого они работают, чтобы не допустить возможных нарушений, которые подрывают авторитет судебной власти.

В заключение хочется предложить возможные пути закрепления судебного усмотрения в российской правовой системе.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании правовых позиций в качестве правоинтерпретационных актов. В настоящее время существуют Обзоры судебной практики,

которые, с одной стороны, альтернативны постановлениям пленумов и закрепляют важные правовые позиции, а с другой стороны — часто игнорируются судами в связи с отсутствием прецедентного права. Создание Федерального закона «О судебном толковании» позволило бы избежать подобных коллизий.

Во-вторых, необходимо внести поправки в Гражданский и Арбитражный процессуальные кодексы, обязав соблюдать установленные правовые позиции в качестве необходимых актов толкования. В системе арбитражных судов на уровне кассации такое уже существует, однако представляется необходимым распространить данный опыт.

В-третьих, строго ограничить возможные отступления от установленных законом границ: коллизии, пробелы и иные правовые дефекты, обязав судей максимально подробно аргументировать применение усмотрения, которое квалифицируется как расширительное толкование.

Таким образом, судебное усмотрение — правомочие судьи, закрепленное законодательно и осуществляемое в условиях правовой неопределенности, пробельности или коллизионности законодательства, связанное с выбором наиболее справедливого варианта разрешения дела с учетом закрепленных законодательных норм.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 7.

Литература

1. Барак А. Судейское усмотрение : перевод с английского / А. Барак ; вступительная статья М.В. Баглая. Москва : НОРМА, 1999. 364 с.
2. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Л.Н. Берг. Екатеринбург, 2008. 22 с.
3. Винаркевич И.Р. Допустимые пределы судейского усмотрения / И.Р. Винаркевич // Экономический лабиринт. Дальневосточный экономико-правовой журнал. 2002. № 11. С. 14–18.
4. Гук П.А. Судебная практика Верховного Суда РФ: актуальность применения / П.А. Гук // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 2. С. 22–26.
5. Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика / П.А. Гук. Москва : Юрлитинформ, 2009. 127 с.
6. Ермакова К.П. Понятие и субъективные пределы судебного усмотрения / К.П. Ермакова // Журнал российского права. 2009. № 8 (152). С. 91–98.
7. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики : монография / А.А. Малюшин. Москва : Юрист, 2013. 403 с.
8. Папкина О.А. Усмотрение суда / О.А. Папкина. Москва : Статут, 2005. 411 с.

Методические рекомендации по оценке эффективности правосудия /извлечение/

Казakov Игорь Геннадьевич,
судья в отставке,
преподаватель Астраханского кооперативного техникума экономики и права
dredkazakov.1969@yandex.ru

Методические рекомендации разработаны для проведения оценки эффективности правосудия. Применение данной методики возможно для определения эффективности правосудной деятельности отдельного судьи, состава суда, судов субъекта Российской Федерации или системы правосудия Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: эффективность правосудия, субъекты оценки, факторы, влияющие на эффективность правосудия, критерии и показатели.

Methodological Recommendations for the Evaluation of the Efficiency of Justice /extract/

Igor G. Kazakov
Judge Emeritus
Lecturer of the Astrakhan Cooperative College of Economics and Law

Methodological recommendations have been developed to assess the effectiveness of justice. The application of this technique is possible to determine the effectiveness of the judicial activity of an individual judge, the composition of the court, courts of a constituent entity of the Russian Federation, or the justice system of the Russian Federation as a whole.

Keywords: efficiency of justice, subjects of assessment, factors influencing the efficiency of justice, criteria and indicators.

В основу данных методических рекомендаций положены выводы, сделанные на основе анализа зарубежного и отечественного правоприменения, генезиса развития системы правосудия в России, особенностей социально-политического устройства Российского государства, состояния развитости институтов гражданского общества, иных важных условий состояния системы правосудия в Российском государстве.

1. Факторы, влияющие на эффективность правосудия

1. Эффективность правосудия оценивается с учетом наиболее значимых факторов, которые оказывают на нее влияние.

2. Значимость фактора определяется путем анализа характера его воздействия на правосудный процесс, с помощью социологических исследований, иных официальных источников, указывающих на такие факторы.

3. Факторы влияния могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, положительным или отрицательным образом влияя на эффективность правосудия. Особое внимание следует уделить выявлению деструктивных факторов с целью изменения их векториального воздействия или полной аннигиляции.

4. Статистические исследования, а также мнения ряда правоведов позволяют выделить наиболее важные факторы, влияющие на эффективность правосудия.

5. Следующие позитивные факторы влияют на эффективность правосудия.

5.1(+)
Личностные качества судьи — совокупность общечеловеческих и профессиональных свойств характера, ориентированных на положительные общепринятые ценности, которые при достаточном уровне знаний и умений позволяют принять законное, обоснованное и справедливое решение.

5.2(+)
Доверие правосудию — выражается в отношении общества к правосудию, связанного с ситуативной, актуальной значимостью и надежностью всего правосудия для общества. Доверие зависит от уровня справедливости правосудия и состояния правового нигилизма в обществе.

5.3(+)
Уровень подготовленности досудебных документов — фактор, указывающий на степень готовности материалов, поступающих в суд, для их использования при своевременном и беспрепятственном разрешении правового спора. Оценивается судьями и участниками процесса правосудия по признакам отсутствия или наличия процессуально-доказательственных препятствий для рассмотрения дела по существу.

5.4(+)
Фактор совершенства законодательства определяется на основании мнения правоприменителей, экспертных оценок и заключается в возможности принятия судебного решения при отсутствии коллизионных норм материального или процессуального права. Для правильного, юридически верного и справедливого разрешения социально-правового конфликта судья должен оперировать предельно ясными, понятными сторонам нормами права.

6. К негативным факторам относятся следующие.

6.1(-)
Коррупция — неправомерные действия субъектов правосудия (судей), совершенные в процессе правосудной деятельности, вопреки интересам правосудия, из корыстной или иной личной заинтересованности.

6.2(-)
Негативное влияние на принятие судебного решения сторон процесса — недобросовестное поведение участников судебного разбирательства, выразившееся в злоупотреблении процессуальными правами, воспрепятствовании осуществлению правосудия со стороны лиц, участвующих в деле.

6.3(-)
Противодействие правосудию выражается в виде умышленных дей-

ствий по материальному, психологическому, физическому или иному воздействию на судью со стороны группы лиц с целью принятия им неправосудных решений в интересах этнических, элитарных, коррупционных или иных организованных преступных группировок.

6.4(-)
Отсутствие общественного контроля за судебными решениями — ограниченное участие представителей общества в правосудной деятельности, а также возможности влияния на принятие судебных решений при сохранении независимости суда (участие общественных обвинителей и защитников по примеру УПК РСФСР).

7. Процент, отмеченный респондентами, указывающий на определенный фактор, является его показателем и используется для математических способов оценки и сравнительного моделирования.

8. Факторы не имеют четкой корреляции с определенными критериями, а влияют на эффективность всего правосудия, поэтому подлежат суммированию с учетом прямой и обратной зависимости в системе «позитив — негатив».

II. Критерии и показатели, используемые при оценке эффективности правосудия

Критерии определяют качественное состояние правосудия. Они формируются на основании индивидуальных числовых показателей. На основании данных критериев происходит непосредственная оценка эффективности правосудия. Выделены шесть основных критериев, определяющих эффективность правосудия.

1. *Независимость правосудия* — критерий, включающий в себя следующие показатели.

1.1. Процессуальная независимость выражается в характеристике тех процессуальных условий, в которых реализуется правосудие. Определяется зависимостью принятия судебного решения от количества вышестоящих судебных

инстанций и их влияния на процесс правосудия.

1.2. Административная независимость заключается в отсутствии прямого или опосредованного непроцессуального воздействия на судью со стороны руководства суда, иных административно-судебных органов, а равно создания со стороны данных лиц условий для принятия неправосудных решений.

1.3. Физическая независимость выражается в степени защищенности судей и членов семей, достаточном уровне безопасности в зданиях судов. Данный показатель следует исходя из мнения судей, а также анализа условий, при которых осуществляется правосудие (безопасность помещений, наличия службы приставов, тревожной сигнализации, средств индивидуальной защиты судей).

1.4. Профессиональная независимость правосудия заключается в защите чести, достоинства и деловой репутации судей от СМИ, частных лиц и внешних обстоятельств. Показатель выводится на основании опроса судей.

1.5. Материальная (социальная) независимость заключается в показателях доходов судей в виде соотношения среднегодового дохода судьи к показателю дохода госслужащего соответствующего региона, наличия социальных гарантий, обеспечивающих материальную независимость судьи.

2. *Доступность судебного разрешения споров* — критерий обеспечения каждому нуждающемуся лицу права на судебную защиту, всеобщего равенства перед законом и судом, равноправия и состязательности сторон, языка судопроизводства, который определяется в результате анкетирования граждан в бумажном или электронном варианте на сайте «ГАС-Правосудие» (нижнее звено судьи или районного суда) путем анализа ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в РФ, Уполномоченного по правам ребенка в РФ, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ по результатам

обращения граждан (верхнее звено общей оценки правосудия).

3. *Транспарентность (открытость) правосудия* — критерий, характеризующий деятельность системы правосудия в целом и определяющий степень открытости возможно допустимой информации о правосудии.

3.1. Показатель открытости судебных заседаний предусматривает оценку возможности доступа лиц, не участвующих в процессе, фиксацию с помощью звукозаписи, право СМИ на согласованную фото- и видеосъемку.

3.2. Открытость информации — показатель доступности информации о деятельности судов, полноте и своевременности публикации судебных актов.

4. *Качество судебного разбирательства* — критерий, который определяет степень соответствия реализации задач судебного разбирательства в фактических условиях судебного процесса. Качество рассматривается в свете нескольких социально значимых показателей.

4.1. Нагрузка на судью — показатель соотношения научно обоснованной и разумной нагрузки на судью с реальной нагрузкой, т.е. количеством находящихся в производстве у судьи дел.

4.2. Показатель своевременности окончания рассмотрения дел непосредственно связан с предыдущим показателем и означает строгое и неукоснительное соблюдение процессуальных сроков при рассмотрении дел, которые относятся к числу основных требований, подлежащих соблюдению в соответствии с правилами судопроизводства. Эти требования предусмотрены общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, являющимися составной частью ее правовой системы.

5. *Критерий экономичности процессуальных процедур* — отражает возможность правосудия в предоставленных ему процессуальных рамках в «экономрежиме» разрешать социально-право-

вые конфликты, состоит из следующих показателей.

5.1. Уровень применения примирительных процедур — показатель в сфере гражданского судопроизводства. Основным назначением гражданского судопроизводства является восстановление нарушенных прав и разрешение социально-правового конфликта путем достижения примирительных процедур. Показатель выводится путем соотношения дел, по которым заключено мировое соглашение к общему количеству рассмотренных дел.

5.2. Показатель уровня применения упрощенных процедур (для уголовного судопроизводства) указывает на возможность рассмотрения уголовных дел в особом порядке, является одним из реальных средств уменьшения нагрузки на судью и, как следствие, соблюдения им сроков рассмотрения дел. Данные выводятся путем соотношения количества дел, рассмотренных в порядке особого судопроизводства к общему числу рассмотренных дел.

6. *Критерий устойчивости принятых судебных актов* заключается в анализе статистических данных о судебных актах, поддержанных судами вышестоящих инстанций. Вопреки устоявшейся практике общее количество отмен судебных актов вышестоящими судебными инстанциями не может являться показателем оценки эффективности, поскольку изменение или отмена судебного решения вышестоящим судом носят как объективный, так и субъективный характер. Объективными причинами отмены или изменения судебного акта могут быть представление в вышестоящую судебную инстанцию новых доказательств, заключение мирового соглашения, отказ от иска, отсутствие единой судебной практики или ее изменение.

7. Система критериев и показателей — это совокупность необходимых данных, позволяющих полно и объективно оценить эффективность правосудия. Полный учет научно обоснованных

факторов и критериев, способов оценки, их многомерный анализ и сопоставление друг с другом способствуют объективности выводов о состоянии правосудия. Всесторонняя оценка эффективности правосудия предполагает использование различных информационных источников. В большинстве существующих систем оценки эффективности правосудия предусмотрена совокупная оценка, т.е. данные, полученные путем использования разнообразных методов измерений, включая экспертные оценки и социологические опросы.

8. Значение для оценки эффективности правосудия имеют как позитивные, так и негативные показатели.

III. Этапы оценки эффективности правосудия

1. Определение цели и вида оценки эффективности правосудия зависит от вида оценки: мировые и районные (городские) суды (судьи); суды (судьи) субъектов Российской Федерации; общая оценка эффективности правосудия в Российской Федерации. Распределение показателей субъектов оценки эффективности зависит от направленности их оценки.

2. Определение объекта оценки эффективности. На данном этапе важно выделить показатели, касающиеся именно данного объекта. Так, ряд показателей оценки эффективности относятся к звену районных (городских) судов или мировых судей. Общие показатели указывают на эффективность правосудия в субъекте Российской Федерации или общую эффективность.

3. Определение круга субъектов оценки эффективности таким образом, чтобы данные субъекты в своих данных, во-первых, наиболее объективно и достоверно отражали показатели оценки, во-вторых, касались именно того объекта, который подлежит оценке.

4. Процесс непосредственного сбора информации, необходимой для оценки эффективности. На этой стадии могут

быть использованы социологические (эмпирические) способы исследования: наблюдение, сравнение, тестирование, интервьюирование, а также сбор статистических данных.

5. После первоначального сбора необходимых показателей производится их структуризация, т.е. перевод в числовую плоскость для математических способов оценки и сравнительного моделирования.

6. Оценка эффективности отдельных критериев правосудия на основе выделенных показателей. Методологическую основу оценки данных показателей составляют эмпирические способы — анкетирование и интервьюирование. Источниками информации по данным показателям могут служить как обращения граждан в СМИ, государственные, или общественные органы, так и индивидуальные сведения, полученные в результате личного опроса участников процесса правосудия.

7. Параметрический синтез критериев. Каждый критерий определяется числовым значением соответствующих показателей. При необходимости показатели структурируются, образуя определенное числовое значение.

8. Параметрический синтез факторов, влияющих на правосудие. Факторы имеют вариативный, неструктурированный характер, поэтому перевод их в числовую плоскость осуществляется путем преобразования статистических данных, характеризующих каждый фактор. Кроме того, используется оценка, которая дается каждому фактору субъектами оценки.

9. Выявление соотношения позитивных и негативных факторов осуществляется путем корреляционного влияния позитивных факторов на положительное значение эффективности правосудия и обратной зависимости от негативных факторов.

9.1. *Вариант 1.* При отправлении правосудия не оказывается никакого влияния, когда позитивные и негатив-

ные факторы либо отсутствуют, либо взаимно компенсируются. Чтобы эффективность правосудия не зависела от влияния факторов, соотношение позитивных факторов, влияющих на правосудие, к негативным должно быть равно 1.

9.2. *Вариант 2.* Факторы оказывают на правосудие положительное влияние и эффективность правосудия повышается, если соотношение позитивных факторов к негативным больше значения 1.

9.3. *Вариант 3.* Если отношение суммы негативных факторов превышает сумму положительных и значение данного отношения менее 1, общая эффективность правосудия уменьшается.

9.4. За числовое значение фактора принимаются его статистические показатели либо та оценка, которая дается субъектами оценки.

10. Итоговое оценивание системы. Итоговая оценка эффективности правосудия заключается в суммировании значений критериев, полученных в результате сбора информации и математических вычислений с учетом их коэффициента значимости, помноженного на коэффициент влияния факторов.

IV. Итоговые положения

1. Реализация данных оценки эффективности правосудия осуществляется в следующих направлениях.

1.1. Законодательная оптимизация условий отправления правосудия путем изменений судоустройства и судопроизводства.

1.2. Активное внедрение в процесс правосудия передовых технологий по примеру электронного документооборота, видео-конференц-связи и иных интернет-технологий.

1.3. Улучшение условий, обеспечивающих осуществление правосудия (материально-техническая база, социально-политическая, кадровая и т.д.).

1.4. Материальное стимулирование судей, имеющих лучшие показатели по отправлению правосудия.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-55-59

Евразийский суд по правам человека как аналог ЕСПЧ

Миллеров Евгений Владимирович,

доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук
millerovyeva@yandex.ru

Чупилкин Юрий Борисович,

доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
chupilkin@rambler.ru

В связи с выходом России из Совета Европы в марте 2022 г. в статье рассмотрены мнения ученых, политических и общественных деятелей о создании модели Суда по правам человека как аналога судебного органа Европейскому суду по правам человека. Авторами обосновывается мнение о создании Суда по правам человека в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), в состав которого вместе с Россией входят такие государства, как Армения, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, ЕСПЧ, ЕАЭС, Евразийский экономический союз, Евразийский суд по правам человека.

The Eurasian Court of Human Rights as an Analogue of the ECHR

Evgeny V. Millerov

Associate Professor of the Department of Procedural Law of the South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
PhD (Law)

Yury B. Chupilkin

Associate Professor of the Department of Procedural Law of the South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
PhD (Law), Associate Professor

In connection with Russia's withdrawal from the Council of Europe in March 2022, the article examines the opinions of scientists, politicians and public figures on the creation of a model of the Court of Human Rights, as an analogue of the judicial body of the European Court of Human Rights. The authors substantiate the opinion on the creation of a Human Rights Court in the Eurasian Economic Union (EAEU), which together with Russia includes such states as Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

Keywords: the European Court of Human Rights, ECHR, EAEU, Eurasian Economic Union, Eurasian Court of Human Rights.

Общеизвестным и громким событием в международной политике явился выход России из Совета Европы (далее — СЕ) в марте 2022 г. Совет Европы является старейшей межправительственной организацией, которая была основана в 1949 г., основной целью которой является сотрудничество в области прав человека и демократического развития. Россия являлась членом СЕ с 1996 г.¹ Причиной

выхода России из Совета Европы стали серьезные разногласия нашего государства с данной международной организацией в связи с проводимой Россией специальной операции на территории Украины.

Выход России из Совета Европы автоматически влечет и приостановление членства Российского государства в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ).

В постановлении ЕСПЧ от 22 марта 2022 г. «О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции о правах человека» (ЕКПЧ)

¹ Россия покидает Совет Европы // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

говорится, что Россия перестает быть стороной Конвенции с 16 сентября 2022 г. Поэтому ЕСПЧ рассматривает жалобы против Российской Федерации только до этой даты².

В связи со сложившейся вышеуказанной ситуацией России в ЕСПЧ видные российские государственные и общественные деятели выступили с заявлениями о целесообразности создания судебного органа, который мог бы стать заменой ЕСПЧ.

Спикером Совета Федерации РФ Валентиной Матвиенко предложено создать такой суд в рамках Содружества независимых государств (СНГ)³. Буквально через неделю после этого заявления членом Совета по правам человека при Президенте РФ Евой Меркачевой анонсировано начало работы над созданием такого Суда с предположительным его местом нахождения в г. Санкт-Петербурге⁴.

Председателем Ассоциации юристов России (АЮР) Сергеем Степашиным акцентировано внимание на создании беспристрастного Евразийского суда⁵. Предложение о создании специализированного Евразийского суда получило поддержку со стороны руководства Следственного комитета России⁶.

Справедливости ради надо отметить, что периодически и ранее имели место в печати высказывания по поводу создания альтернативного суда ЕСПЧ на просторах Евразии в виде Евразийского суда по правам человека, Азиатского суда по правам человека и Суда по правам человека в СНГ.

Так, в 2013 г. председателем Конституционного Суда РФ (КС РФ) В.Д. Зорь-

киным в одном из своих интервью была дана оценка перспективам создания Евразийского суда по правам человека, в котором он отметил, что предложения о создании новых межгосударственных юрисдикционных инстанций по защите прав не стоит априори отвергать, поскольку такие институты могут создать дополнительные правовые гарантии соблюдения и восстановления прав⁷.

Вряд ли тогда В.Д. Зорькин имел в виду создание такого Суда в рамках сегодняшнего Евразийского экономического союза (ЕАЭС), поскольку договор о нем был подписан только в мае 2014 г., а вступил он в силу в 2015 г. Представляется также сомнительным создание такого Суда в рамках существовавшей на тот период времени международной организации ЕврАзЭС, куда входила и Россия, поскольку, несмотря на участие в ЕврАзЭС более половины стран СНГ, добиться интеграции к тому моменту удалось только по таможенным вопросам между тремя государствами — участниками ЕврАзЭС. В 2010 г. был создан Таможенный союз между Беларуссией, Казахстаном и Россией. Можно предположить, что председатель КС РФ относительно обсуждаемого в 2013 г. вопроса о создании ЕАСПЧ к его потенциальной юрисдикции относил всю Евразию. Подобный проект представляется, конечно, масштабным, но с точки зрения реального воплощения очень трудоемким.

Если в 2013 г. не исключалось создание альтернативного судебного органа Европейскому суду по правам человека, то сегодня, фактически в безальтернативной ситуации для России в этом вопросе, создание такого нового международного судебного органа видится просто необходимым.

Вопрос в том, каким должен быть этот судебный орган и каковы возможные масштабы его международной судебной юрисдикции (СНГ, страны Евразии, ЕАЭС).

В этой связи следует обратить внимание на некоторые сложности, с которыми столкнулись энтузиасты Азиатского региона, предпринявшие уже без малого десяток лет назад решительные шаги по созданию Азиатского суда по правам человека (АСПЧ).

⁷ Путь права требует разума, воли и ответственности / Интервью Председателя Конституционного Суда РФ В. Зорькина // ИГ «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

² Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights // European Court of Human Rights. URL: <https://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 30.04.2022).

³ Матвиенко предложила создать аналог ЕСПЧ на просторах СНГ. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/29/915776-matvienko-analog-espch> (дата обращения: 30.04.2022).

⁴ Меркачева сообщила о начале создания суда по правам человека СНГ // ИГ «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

⁵ Степашин предложил создать Евразийский суд по правам человека // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

⁶ В СК одобрили идею создать Евразийский суд по правам человека // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

Так, в 2014 г. на III Международном конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию, проходившей в Сеуле, Ассоциацией Азиатских Конституционных Судов была инициирована дискуссия по вопросу о создании Азиатского суда по правам человека (АСПЧ)⁸.

Поддерживая данную идею, О.В. Хышиктув справедливо обращает внимание на ряд серьезных проблем для создания АСПЧ: отсутствие в Азии института, подобного Совету Европы; в странах Азиатского региона отсутствуют единые ценности и подходы к определению статуса прав человека. Процесс создания АСПЧ в рамках субрегиональной организации займет много времени, ускорить которое, по мнению данного ученого-правоведа, практически невозможно в свете упомянутых различий в правовых системах стран Азии⁹.

Как мы знаем, до настоящего времени АСПЧ не создан, что только подтверждает актуальность указанных проблем.

10 декабря 2020 г. Президентом России В.В. Путиным на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека была поддержана идея о создании российского суда по правам человека, которая была предложена Евгением Мысловским¹⁰.

Однако согласиться с подобной идеей сложно, поскольку существующие в настоящее время суды по правам человека представляют собой надстройки международного уровня, которые действуют в разных регионах мира на основании ряда международных соглашений: Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹¹, Американской

конвенции о правах человека¹², Африканской хартии прав человека и народов¹³ и Азиатско-Тихоокеанской декларации человеческих прав индивидов и народов¹⁴.

Вызывают сомнения и перспективы создания Суда СНГ по правам человека по ряду причин. Во-первых, какие государства следует считать членами СНГ в полном правовом смысле этого слова? Представляется правильным рассматривать только девять государств, являющихся на сегодняшний момент действительно полноправными членами этого Содружества: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Туркмения является всего лишь ассоциированным членом СНГ, а Украина в настоящее время имеет спорный статус в этой международной организации. Во-вторых, целый ряд стран СНГ (не считая Россию, так как она исключена из СЕ 16.03.2022), являются членами Совета Европы, а автоматически и членами ЕСПЧ (Азербайджан, Армения, Молдова). С одной стороны, по приведенному выше мнению некоторых известных российских юристов, в создании альтернативного суда Европейскому суду по правам человека нет ничего негативного, а, наоборот, один позитив, но устроит ли такая конкуренция этих судов вышеуказанные страны СНГ и позволит ли этим государствам Совет Европы такую «альтернативу»? Кроме того, надо задаться вопросом, действительно ли у государств — участников СНГ имеется тот взаимный интеграционный уровень (он играет, по нашему мнению, немаловажную роль для создания такого судебного органа в СНГ), который говорил бы об эффективности этой модели Суда по правам человека, а не просто для того, чтобы он существовал.

В связи с этим видится более оптимальным создание Суда по правам человека в рамках действующего Евразийского экономического союза (ЕАЭС), куда

⁸ Козлова Н. В Азии скоро появится суд по правам человека // Российская газета. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

⁹ Хышиктув О.В. Перспективы создания Азиатского суда по правам человека // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения». Улан-Удэ, 2018. С. 92–104.

¹⁰ Путин назвал правильной идею создать в России суд по правам человека. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2020/5fd2081a9a7947bade69a35c> (дата обращения: 30.04.2022).

¹¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Американская конвенция о правах человека (Заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Африканская хартия прав человека и народов (Принята в г. Найроби 26.06.1981) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Азиатско-Тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов (Принята в г. Нью-Дели 15.02.1988) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

вместе с Россией входят еще четыре государства: Армения, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан.

Мы готовы к тому, что наше мнение вызовет критику, поскольку ЕАЭС как союз имеет исключительно экономическую природу своего существования, что вытекает из целей его создания, закрепленных в ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС)¹⁵. На наш взгляд, это не является препятствием для создания указанного Суда в рамках данного союза, а, наоборот, имеет больше плюсов, чем минусов, в сравнении с созданием такого Суда, к примеру, в рамках СНГ.

Перечислим лишь основные достоинства такого Суда ЕАЭС в сравнении с потенциально возможным Судом по правам человека СНГ:

- наличие в ЕАЭС наднационального правового регулирования;
- наличие в ЕАЭС целой системы наднациональных органов управления;
- более гармонизированное правовое регулирование государств-участников в рамках ЕАЭС;
- более тесное экономическое сотрудничество, которое, как звенья одной цепи, потянет за собой на более высокий уровень социально-гуманитарное сотрудничество и культурную интеграцию граждан государств — участников ЕАЭС.

Суд по правам человека ЕАЭС выигрывает перед таким Судом в рамках СНГ практически по всем пунктам за исключением количества государств-участников. Однако, если мы хотим, чтобы такой Суд был действительно эффективным, то количество стран, по нашему мнению, не должно быть в приоритете его создания.

Теперь непосредственно о самой концепции создания такого Суда. Здесь представляется два возможных пути развития. Первым является, на наш взгляд, создание Коллегии по правам человека в уже существующем Суде ЕАЭС. Данный Суд был образован в 2015 г. и находится в г. Минске Республики Беларусь. Согласно статье 8 Договора о ЕАЭС рассматриваемый Суд является одним из органов данного союза наряду с такими органами, как Высший Евразийский экономический совет, Ев-

разийский межправительственный совет и Евразийская экономическая комиссия. В таком случае при создании в Суде ЕАЭС специализированной Коллегии по правам человека потребуются внесение целого ряда изменений и дополнений в Статут Суда ЕАЭС¹⁶.

Второй путь заключается в создании самостоятельного Суда ЕАЭС по правам человека, который представляется более правильным в сравнении с первым вариантом. Такой Суд можно рассматривать в качестве нового судебного органа как «суд интеграционных объединений»¹⁷ такого союза, как ЕАЭС.

Насчет создания наднационального (надгосударственного) органа (как, например, относительно ЕСПЧ и Совета Европы) для функционирования Суда ЕАЭС по правам человека вопроса не стоит, так как у ЕАЭС уже имеется и функционирует приведенная выше система органов наднационального (надгосударственного) управления в Союзе. Открытым здесь является лишь вопрос о разработке и принятии Евразийской конвенции по правам человека или Конвенции по правам человека ЕАЭС.

В этой связи представляет интерес позиция Ж.Д. Бусурманова, который не только усматривает в создании Евразийского экономического союза исключительно экономические плюсы для его государств-участниц, но и отстаивает в своих публикациях целесообразность разработки и принятия Евразийской декларации прав человека и народов. По его мнению, должна существовать «региональность» международной защиты прав и свобод человека, а пальма главенствования в этом вопросе должна принадлежать Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹⁸ как основному ориентиру для всех стран мира в этом вопросе¹⁹.

¹⁶ Статут Суда Евразийского экономического союза. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Чайка К.Л. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 161.

¹⁸ Всеобщая декларация прав человека (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Бусурманов Ж.Д. Евразийский экономический союз как новая гуманистическая ценность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4 (47). С. 619–621.

¹⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Обосновывая важность региональных коллективных международно-правовых актов в сфере защиты прав человека в целом и целесообразность принятия Евразийской декларации прав человека и народов в частности, О.Ю. Винниченко, Е.Ф. Гладун и Ж.Д. Бусурманов пишут, что не существует универсального характера прав человека, данный феномен достаточно гибок и зависит от позиции государства, политической ситуации в мире и стране, конкретных экономических и культурных обстоятельств. Не отвергая европейскую концепцию прав человека, ее универсальность, указанные авторы высказывают убежденность в том, что она может быть дополнена и расширена региональными концепциями в связи с наличием у разных правовых культур различных культурно-правовых кодов, ценностных ориентаций, неодинаковых представлений о правах человека²⁰.

Данная позиция представляется спорной, поскольку предлагаемая авторами декларация должна полностью соответствовать Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

²⁰ Винниченко О.Ю., Гладун Е.Ф., Бусурманов Ж.Д. Права человека в контексте взаимодействия азиатских и европейских правовых ценностей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 4 (20). С. 343.

Более того, усматриваются противоречия между важностью «регионального принципа» международной защиты прав человека в мировом пространстве и обоснованием юрисдикции анонсируемой Ж.Д. Бусурмановым Евразийской декларации прав человека и народов, поскольку, по его мнению, в предмет юрисдикции включаются все государства Евразии²¹.

Евразия, как известно, является самым крупным континентом на земном шаре как по территории, так и по численности населения. На территории Евразии сегодня находится около сотни самостоятельных государств. Более того, политические, социальные, правовые и культурные стороны жизни в европейской части Евразии и ее азиатской части имеют существенные отличия. В связи с этим такой огромный территориальный охват указанным международно-правовым актом вряд ли можно признать удачным.

Представляются правильными разработка и принятие исключительно в рамках действующего Союза, т.е. ЕАЭС, Конвенции прав человека Евразийского экономического союза, что будет четко обозначать регион и юрисдикцию государств этим международно-правовым актом.

²¹ Бусурманов Ж.Д. Евразийская Декларация прав человека и народов как ответ на новые вызовы современности // Право и государство. 2015. № 1 (66). С. 69–70.

Литература

1. Бусурманов Ж.Д. Евразийская Декларация прав человека и народов как ответ на новые вызовы современности / Ж.Д. Бусурманов // Право и государство. 2015. № 1 (66). С. 69–70.
2. Бусурманов Ж.Д. Евразийский экономический союз как новая гуманистическая ценность / Ж.Д. Бусурманов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4 (47). С. 619–621.
3. Винниченко О.Ю. Права человека в контексте взаимодействия азиатских и европейских правовых ценностей / О.Ю. Винниченко, Е.Ф. Гладун, Ж.Д. Бусурманов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 4 (20). С. 338–347.
4. Хышиктуев О.В. Перспективы создания Азиатского суда по правам человека / О.В. Хышиктуев // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения: материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 29 июня — 1 июля 2018 г.): сборник научных статей / научный редактор Ю.И. Скуратов. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 92–104.
5. Чайка К.Л. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган / К.Л. Чайка // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 147–166.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-6-60-64

К вопросу о назначении и пределах функционирования механизма продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий

Цилюрик Ульяна Сергеевна,
помощник судьи Суда по интеллектуальным правам,
аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
Uliana@mail2k.ru

Правовые нормы субинститута продления срока действия исключительного права на изобретение, относящиеся к такому продукту, как лекарственное средство, имеют существенное значение для целей патентно-правовой охраны. Тем не менее особенности их содержания порождают немало вопросов теоретического характера, не говоря о сложностях, с которыми сталкивается на этом поле правоприменительная практика.

В настоящей статье раскрываются общие вопросы о назначении норм п. 2 ст. 1363 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также анализируется вопрос об обоснованности и целесообразности пределов их функционирования.

Автор делает вывод о существенном значении входящих в рассматриваемый субинститут правовых норм, а также приходит к заключению о наличии оснований для расширения пределов их функционирования.

Ключевые слова: интеллектуальные права, патентное право, патент, продление срока, медицинские технологии, лекарственные средства.

On the Establishment and Limits of Functioning of the Mechanism of Renewal of Exclusive Rights to Inventions in the Medical Technology Sphere

Ulyana S. Tsilyurik
Assistant Judge of the Intellectual Property Court
Postgraduate Student of the Kutafin Moscow State Law University

The legal norms of the sub-institute for the extension of the exclusive right to an invention relating to a product such as a medicinal product are essential for the purposes of patent protection. Nevertheless, the peculiarities of their content give rise to many theoretical questions, not to mention the difficulties that law enforcement practice faces in this field.

This article reveals general questions about the purpose of the norms of paragraph 2 of Article 1363 of the Civil Code of the Russian Federation, and also analyzes the question of the validity and expediency of their functioning limits.

The author draws a conclusion about the essential importance of the legal norms included in the subinstitute under consideration, and also comes to the conclusion that there are grounds for expanding the limits of their functioning.

Keywords: intellectual property rights, patent law, patent, extension of term, medical technologies, medicines.

Срок действия исключительного права на патентоохраняемые объекты служит юридическим инструментом обеспечения баланса частных и публичных интересов, возникающих по поводу их создания и использования¹. Наиболее же ярким образом его институциональное

назначение проявляется, когда речь идет об охраняемых объектах медицинских технологий как о средствах обеспечения жизни и здоровья населения.

В силу пункта 1 ст. 1363 Гражданского кодекса Российской Федерации²

¹ Ворожевич А.С. Границы и пределы осуществления авторских и смежных прав. М.: Статут, 2020. 271 с.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

(далее — ГК РФ) срок действия исключительного права на изобретение, по общему правилу, составляет 20 лет с момента подачи заявки на выдачу соответствующего патента.

Вместе с тем пунктом 2 ст. 1363 ГК РФ предусмотрена возможность продления срока действия исключительного права на изобретение, которое относится в том числе к такому продукту, как лекарственное средство.

Предоставление права продления срока действия патента на такое техническое решение обусловлено тем, что фактическое его использование путем введения в гражданский оборот становится возможным только после получения разрешения на применение соответствующего лекарственного препарата — длительного процесса, в течение которого правообладатель лишен возможности извлекать коммерческую выгоду из созданной им разработки³.

Таким образом, юридически обеспеченная возможность продления срока действия исключительного права на изобретение, относящееся к такому продукту, как лекарственное средство, позволяет держателю патента наверстать упущенное время и предпринять попытку коммерциализации созданного им технического решения в отсутствие конкурентов, которые в противном случае могли бы рассчитывать на право использования ранее охранявшегося изобретения без согласия его прежнего правообладателя.

Обращение к истории развития института патентного права показывает, что подобная возможность расширения временных границ действия исключительного права на изобретение существовала не всегда и впервые была включена в Патентный закон Российской Федерации⁴ в 2003 г.

³ См.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2012 г. по делу № АКПИ12-406 // URL: <https://rulaws.ru/acts/Reshenie-Verhovnogo-Suda-RF-ot-16.05.2012-N-AKPI12-406/>

⁴ Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 // Российская газета. 1992. 14 октября.

Первоначально патент продлевался в отношении всего объема формулы изобретения, в результате чего исключительное право могло продолжать действовать в отношении в том числе такого технического решения, которое не являлось разрешенным к введению в гражданский оборот лекарственным средством и не могло использоваться патентообладателем в таком качестве.

Однако начиная с 1 января 2015 г. возможность продления срока действия исключительного права стала распространяться только на часть формулы изобретения, характеризующую то конкретное соединение или фармацевтическую композицию, которые проходили клинические исследования и на применение которых было получено разрешение.

Представляется, что подобное изменение расширило границы деятельности производителей дженериков, открыв им доступ к той части «отжившего свой век» патента, возможность использования которой исключена для правообладателя как минимум по причинам административно-правового характера⁵. Тем самым указанное преобразование содержания норм о продлении срока действия патента на изобретение приблизило интересы субъектов предпринимательской деятельности в фармацевтической сфере к состоянию баланса.

Говоря о пределах функционирования механизма продления срока действия исключительного права на «фармацевтическое» изобретение, следует отметить, что его реализация возможна лишь в том случае, если такое техническое решение относится к продукту в виде вещества, в качестве которого могут выступать соединение или группа соединений и их соли, предназначенные для изготовления лекарственных средств,

⁵ См.: Семенов В.И., Лысков Н.Б., Гаврилова Е.Б. Продление срока действия исключительного права на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду и агрохимикату // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 8. С. 12.

а также композиция лекарственного средства.

Продление срока действия исключительного права на изобретение невозможно, если его объектом являются продукт в виде устройства, штамма микроорганизма, культуры клеток растений или животных либо способ, а равно применение по новому назначению способа или продукта в виде устройства, штамма микроорганизма, культуры клеток растений или животных⁶. Такое ограничение действует несмотря на то, что в отношении указанных объектов может существовать лицензионный порядок их применения⁷.

В противоположность подобному подходу, в соответствии с законодательством Европейского Союза в рассматриваемой ситуации «может быть использован любой тип патента: патент на вещество, композицию или способ (изготовления)», что объясняется необходимостью «без всякой дискриминации поощрять любые фармакологические исследования, которые ведут к новым изобретениям»⁸. Несогласие с актуальным на данный момент подходом законодателя к решению указанного вопроса встречается и среди специалистов в области патентного права⁹.

⁶ См.: Гаврилова Е.В., Разумова Г.В., Семенов В.И. Продление патента на лекарственное средство – вопросы и пути их решения // ФИПС: URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/konferentsii-seminary/ga_tez.pdf (дата обращения: 12.04.2022); Особенности продления срока действия патента на лекарственное средство // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/05/osobennosti_prodleniya_sroka_deystviya_patenta_na_lekarstvennoe_sredstvo (дата обращения: 12.04.2022).

⁷ Еременко В.И. Патентная монополия в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 7. С. 9–17.

⁸ Ланге М. де. Продление срока действия свидетельства дополнительной охраны (СДО). Отчет об анализе Expert III подхода к этому вопросу в РФ и рекомендации. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/1130000003766904/?page=> (дата обращения: 12.04.2022).

⁹ Михайлов А.В. Проблемы при продлении срока действия патента, относящегося к лекарственному средству: патентный суицид как путь к патентному долголетию // Ремедиум. 2013. 14 февраля.

Оценивая обоснованность и целесообразность каждой из приведенных позиций, отметим, что в силу положений действующего законодательства при анализе возможности выдачи дополнительного патента на изобретение, относящееся к такому продукту, как лекарственное средство, проводится сопоставление совокупности изложенных в формуле изобретения и описывающих соединение или группу соединений признаков с характеристиками активного ингредиента лекарственного средства, указанного в регистрационном удостоверении.

Между тем характеристики соединения или группы соединений могут быть раскрыты не только при перечислении признаков собственно продукта или его применения, но и при описании способа его получения.

Более того, абстрагируясь от вышеприведенных правовых норм, следует отметить, что характеристики зарегистрированного лекарственного средства могут быть раскрыты не только в формуле охраняемого изобретения, относящегося к продукту в виде вещества, но и в формуле изобретения, относящегося к способу лечения как к не связанному с созданием соответствующего соединения или группы соединений (их соли) процессу осуществления действий над материальными объектами с помощью материальных средств.

Изложенное позволяет говорить о том, что нормы действующего законодательства не препятствуют продлению срока действия патентов на изобретения, представляющие собой не только продукты в виде вещества или их применение, но и способы их получения, при условии, что в формуле изобретения раскрыты признаки, характеризующие соединение или группу соединений (их соли), предназначенные для изготовления лекарственных средств, а также композицию лекарственного средства.

При этом с учетом преследуемых законодателем в рамках рассматри-

ваемого субинститута целей, а также исходя из многообразия подходов к описанию признаков лекарственных средств в рамках патентной формулы, можно говорить о целесообразности распространения действия норм п. 2 ст. 1363 ГК РФ в том числе на изобретения, относящиеся к способам лечения.

Полагаем необходимым обратить внимание также на то, что разрешительный порядок применения действует в том числе в отношении медицинских изделий, чьи признаки могут найти отражение в формуле изобретения, объектом которого является устройство. Тем не менее по каким-то причинам законодатель решил не включать подобные технические решения в перечень изобретений, в отношении которых может быть продлен срок действия исключительного права.

Можно предположить, что непринятие законодателем мер по предоставлению «дополнительной» правовой охраны подобным техническим решениям по аналогии с изобретениями, относящимися к такому продукту, как лекарственное средство, объясняется меньшим количеством времени и материальных затрат, которые могут понадобиться для их государственной регистрации. Между тем анализ действующего законодательства в сфере здравоохранения позволяет сделать вывод о том, что такое предположение имеет немного общего с реальностью.

Обращению медицинских изделий на территории Российской Федерации предшествуют такие процедуры, как технические испытания, токсикологические исследования, клинические испытания, экспертиза качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, их государственная регистрация¹⁰. При этом сроки осуществления

каждой из указанных процедур распределены следующим образом:

технические испытания — не более 30 рабочих дней со дня предоставления заявителем в испытательную организацию образца медицинского изделия, а также специального оборудования;

токсикологические исследования — не более 30 рабочих дней со дня предоставления заявителем в испытательную организацию образца медицинского изделия или принадлежностей к медицинскому изделию¹¹;

срок проведения клинических испытаний медицинских изделий нормативно не установлен;

экспертиза качества, эффективности и безопасности — не более 10 рабочих дней со дня получения экспертным учреждением от регистрирующего органа соответствующего задания и необходимых документов¹²;

государственная регистрация — от 5 до 50 рабочих дней¹³.

Как следствие, максимальный период времени, который может понадобиться для государственной регистрации медицинского изделия, без учета срока проведения клинических испытаний, составляет 120 рабочих дней, что не намного меньше срока (160 рабочих дней), в течение которого, без учета срока проведения клинических испытаний, осуществляется государственная

¹⁰ См. часть 3 ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.04.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹¹ Порядок проведения оценки соответствия медицинских изделий в форме технических испытаний, токсикологических исследований, клинических испытаний в целях государственной регистрации медицинских изделий, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2021 г. № 885н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

¹² Порядок организации и проведения экспертизы качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 206н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹³ Правила государственной регистрации медицинских изделий, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416 // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 14.

регистрация лекарственного препарата¹⁴.

Таким образом, представляется, что у законодателя имеются объективные причины для распространения сферы действия норм п. 2 ст. 1363 ГК РФ не только на такие технические решения, как лекарственные средства, но и на изобретения, относящиеся к устройству в виде медицинского изделия.

Изложенное в настоящей статье свидетельствует о том, что механизм продления срока действия исключительного права на изобретения служит эффективным средством обеспечения баланса частных и публичных интересов в области здравоохранения и является в достаточной степени разработанным с содержательной точки зрения.

¹⁴ См. часть 4 ст. 13 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем телеологическое толкование норм п. 2 ст. 1363 ГК РФ, а также их системное толкование во взаимосвязи с иными нормами патентного и медицинского права позволяют сделать вывод о том, что пределы действия этого механизма пока достаточно узки и могут быть вполне обоснованно расширены путем легального закрепления возможности продления срока действия исключительного права на изобретение, относящееся не только к продукту в виде вещества, но и к продукту в виде устройства, а также к способу.

Представляется, что такое дополнение норм действующего законодательства позволит обеспечить еще больший баланс частных и публичных интересов в сфере разработки и использования медицинских технологий, что будет свидетельствовать о наиболее полной реализации институционального назначения соответствующих правовых норм.

Литература

1. Ворожевич А.С. Границы и пределы осуществления авторских и смежных прав / А.С. Ворожевич. Москва : Статут, 2020. 271 с.
2. Гаврилова Е.В. Продление патента на лекарственное средство — вопросы и пути их решения / Е.В. Гаврилова, Г.В. Разумова, В.И. Семенов // ФИПС: URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/konferentsii-seminary/ga_tez.pdf (дата обращения: 12.04.2022).
3. Еременко В.И. Патентная монополия в соответствии с частью четвертой ГК РФ / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. 2008. № 7. С. 9–17.
4. Ланге М. де. Продление срока действия свидетельства дополнительной охраны (СДО). Отчет об анализе Expert III подхода к этому вопросу в РФ и рекомендации / М. де Ланге. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/1039076522/?> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Михайлов А.В. Проблемы при продлении срока действия патента, относящегося к лекарственному средству: патентный суицид как путь к патентному долголетию / А.В. Михайлов // Ремедиум. 2013. 14 февраля.
6. Семенов В.И. Продление срока действия исключительного права на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду и агрохимикату / В.И. Семенов, Н.Б. Лысков, Е.Б. Гаврилова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 8. С. 10–19.